Эдвин Россервуд

Сказание о Двубережье

Часть 1

Эдвин Россервуд

Сказание о Двубережье Часть 1

«Автор»
2026

Россервуд Э.

Сказание о Двубережье Часть 1 / Э. Россервуд — «Автор», 2026

На страницах этого фэнтезийного романа переплетаются судьбы королей и простых странников, древние тайны и опасные интриги. Здесь жажда власти сталкивается с желанием жить, старые обиды разжигают новые войны, а неожиданные встречи меняют ход истории. Мир, полный загадок и испытаний, ждёт тех, кто осмелится узнать его тайны.Это издание, объединяющее две ранее опубликованные книги цикла «Сказания о Двубережье».

© Россервуд Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Приморье 5
Глава 1 8
Тундрия 34
Глава 2 37
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Эдвин Россервуд
Сказание о Двубережье Часть 1

Приморье

На окраине обширных земель, именуемых Черноземьем, там, где лучи морского солнца бесчисленными копьями пробиваются сквозь молочно-белые облака, а величавые горы могучими колоннами подпирают небесный свод, в колыбели грохочепенящегося моря притаилась зелёная долина, всю территорию которой занимало мирное королевство Приморье.

Отовсюду видимые горы, огибающие долину полукругом от моря до моря, словно немые стражники, облачённые в белоснежные вершины-шишаки, закрывали цветущие прибрежные земли от непрошеных гостей и своенравных соседей.

Со времён основания уединённое королевство и сама долина делились на три части: южную – известную Юнамарскими виноградниками, Срединную – самую густозаселённую и Северную – с нестихающим шумом волны. При этом чётких границ между ними не определялось, больше ориентировались по горному хребту: от морской горы до горы, похожей на горбатый нос – Южная сторона, далее до горы с двумя вершинами – Срединная, а от неё до морского берега – Северная, или Дальняя.

Городов в королевстве насчитывалась немного: на юге – Юнамар, где местные умельцы делали славные хмельные напитки, на севере – Громград, где волны с грохотом (отсюда и название) разбивались о прибрежные утёсы. Эти города значились как некрупные, провинциальные, числом в тысяч сорок-пятьдесят взрослых мужчин и женщин. Чего не скажешь о прибрежном Маринале, где осели около ста тысяч приморцев. Остальные селения теснились по берегам рек и у моря, и насчитывалось их такое множество, что название всех и не упомнить, а если и перечислять, так не хватит и целого летнего дня.

В сердце королевства, на берегу холодной реки Лартимус (с забытого языка – «слёзы горы»), раскинулась молодая столица Властерин. По последним записям королевских счетоводов, её население близилось к двумстам тысячам жителей. Властерин по праву считался наикрасивейшим городом Приморья. Высокие, в три этажа, дома из гладкого белого камня, мощёные широкие улицы, свежая архитектура и добродушные горожане делали столицу жемчужиной прибрежных земель.

Особым событием считались властеринские ярмарки. Муравьиными колонами в город со всех концов полуострова тянулись обозы, гружённые товарами и съестным. На всех улицах города царил праздник и всеобщее веселье, а на площадях толпы зевак окружали акробатов, фокусников и бродячих музыкантов. Каждый уважающий себя приморец хотя бы раз в жизни стремился побывать в столице в это чудесное время, пусть даже просто так, поглазеть, вдохнуть чарующий воздух торжества и никогда уже не забыть это яркое чувство.

Три дня до ярмарки велись приготовления: колотились доски, чистились прилавки, вымывались улицы и жирные от летнего солнца физиономии. Семь дней длилась сама ярмарка: с побережья к горам отправлялась рыба, обмениваясь на зерно и мясо; с юга на восток молодые вина занимали место в амбарах, где ещё недавно хранились хлопок, кожа и фрукты. Казалось, что всё в это время сторговывалось, договаривалось, билось по рукам, обменивалось и отмечало удачную сделку. Три дня после ярмарки закатывались совместные пиры, на которых щепетильный к любви народа Король-наместник награждал своих верных вассалов за разные заслуги. Здесь был отмечен и хозяин самой крупной тыквы, и ловкач, быстрее всех выпивающий бочонок пива. Не уходили от признания и красавицы, расхаживавшие в прекрасных шёл-

ковых нарядах. В общем, всех заслуживших (и не совсем) одаривал своим вниманием Король-наместник.

Народы Черноземья во времена нашего рассказа были уверены, что западная сторона оканчивается суровыми снежными горами, а те, в свою очередь, упираются в бескрайнюю морскую пучину. Никто и не догадывался о существовании скрытого от общих глаз немногочисленного народца, сладко дремлющего в убаюкивающем шуме морского прибоя.

Безмятежно проживая в уединении, оберегаемом географией укромного расположения, приморцы сами ничего не хотели знать о соседних царствах по ту сторону гор Нард и совершенно не противились тому, что о них совершенно позабыли.

Но, несмотря на свою закрытость, люди здесь жили простые и добродушные, да к тому же очень миролюбивые. Одевались скромно, опрятно, любили голубые и белые цвета, что, по их суждениям, неразделимо связывало их с морем, частицей коего они себя считали, и свято помнили, что предки их приплыли из давно забытой морской дали.

Приморцы – люди трудолюбивые и старательные, освоили немало разных ремёсел: земледелие, изготовление шёлка и хлопка, утвари и украшений, кузнечное и сапожное дело, лодочное ремесло, рыболовство, строительство из камня и многое-многое другое.

Умевшие усердно трудиться, умели они и хорошо повеселиться. Праздники отмечали с размахом: песни, танцы, гуляния и забавы были в большом почёте. Часто праздновали все вместе, сходясь домами, улицами, а то и целыми селениями. Где поудобнее, накрывали большие длинные столы, пили и пели до самого утра. На этот счёт имелись прекрасные застольные песни: местами грустные, но в большинстве своём непринуждённые и весёлые, потому как хмельная натура честного труженика после хлопотливого дня не желает скучать и печалиться.

Ссоры представлялись редким явлением, но коль случалось захмелевшим драчунам по какой-либо житейской причине пособачиться, то утром им обоим становилось очень совестно и шли они друг к другу мириться.

Денег в каком-либо виде здесь отродясь не водилось, отчего всем приходилось постоянно чем-то разменяться. От этого повсюду стояли разменные дома, где каждый мог подать своё предложение «на обмен». Особо ценились драгоценные камни, редкие в этих краях, металлы, шелка и хорошие рыбацкие снасти. Прямой предок короля-наместника приказал когда-то рыть пещеры – вздумалось ему искать золото. Около сорока человек потеряли за первые дни бедные приморцы: породы то и дело обваливались, унося во мрак жизни бесстрашных копателей. Народ тогда чуть было не взбунтовался, а испугавшийся король учредил: «Рытвинных работ больше вестись не должно!»

У миролюбивого королевства постоянного войска не содержалось, но каждый мужчина, по древнему закону, обязывался держать в доме меч. С этим оружием часто обходились совсем не по прямому назначению, к примеру, жена Бокла Толстопузого мужниным мечом рыла ямы в огороде под посадку бахчи. Самыми же воинственными приморцами считались стражники короля-наместника, но от недостатка сражений и военных походов, а вернее от их полного отсутствия, а вдобавок к тому и присутствия обильных солдатских кушаний, «удалые воины» давно сделались тучными и неповоротливыми, отчего особого страха своим «грозным» видом не внушали.

Вот о чём ещё нужно обязательно упомянуть, так это о наружности. От других народов Черноземья, речь о которых в нашем повествовании пойдёт в скором будущем, внешность приморцев ничем не отличалась, но присутствовала в ней своя характерная особенность. Их глаза выделялись особенным цветом: они были голубыми-голубыми, почти что бирюзовыми, цвета морской волны, и у всех, как у одного, похожими – от мала до велика. Ими особо никто не гордился – по причине того, что чужеземцы здесь никогда не попадались.

Ну и, конечно же, ещё одна незатейливость, которая может показаться смешной глупостью – привычка достопочтенных лиц держать верхнюю губу над нижней. И непременно так!

Упаси Бог перепутать – можно прослыть невежей и хамом. Так все и ходили, надвинув верхнюю губу, что значилось признаком высокого положения в обществе и утончённости вкуса.

Выдержка из каскаданских писаний об истории Агурата.

Как-то раз соседнее королевство Агурат, в сговоре с наёмным войском, задумало перейти Хребет ГараДаг и изведать прибрежные земли. Старые летописи Агуртагура описывали край морского Загорья как землю богатую и изобильную, населённую людом малочисленным, в ратных делах не достигшим больших высот, но в случае неминуемой опасности способным проявить отвагу.

Многотысячное войско, не привыкшее к горным походам, оставив лошадей, сняв тяжелые доспехи и несподручное оружие, снарядилось верёвками и крючьями. Без малого двадцать дней безуспешно пыталось оно преодолеть горные массивы. Камнепады, снежные лавины, ледяной ветер, ослепляющий снег, непроницаемый туман, беспросветная ночная темнота, холод и голод сотнями губили отважных смельчаков. Число их таяло, словно льдинка под жарким летним солнцем. С каждым новым днём решимость падала – недовольство росло. Первыми под предводительством пустобородого Далия, потомка прославленного мечника Байна-одноногого, ушли наёмники. «Жизнь дороже!» – оправдывался Далий. Следом за наёмниками под покровом ночи, ускользая от уставших полусонных часовых (а иногда и вместе с ними), и основные силы войска «Великого Агурата», ведомые необузданным желанием выжить, сбегали на спасительную равнину и разбредались по безлюдным лесам. Жизнь-то дороже!

Так закончился самый многочисленный завоевательный поход на Загорные земли. Предпринимались и другие попытки, но то ли по причине их малочисленности, то ли по общей постыдной безуспешности в бытописных хрониках Агурата, да и в летописях всего Черноземья о них мало что известно, но можно с точностью сказать, что именно с этого времени среди агуратцев стали ходить упорные толки о «горном проклятии». А пустобородый Далий до самой кончины твердил, особенно во хмелю:

– Я клянусь вам, братцы, эти горы прокляты! Слышите, эти горы прокляты!

Глава 1

Началась наша история на севере Приморья, недалеко от Громграда, там, где лес тянется до самого скалистого берега, сходясь верхушками сосен высоко над головою и заслоняя палящее летнее солнце. В глубине чащи, в тихом полумраке зарослей, нарушаемом лишь постоянным стрекотанием неуёмных цикад, затерялся непримечательный деревянный домишко, крышу которого густо усеивали скудный мох и опавшие шишки.

Дверь, сколоченная из сосновых досок, в сравнении с ростом обыкновенного человека казалась несоизмеримо мала. Чтобы протиснуться в дверной проём, человеку обычного роста надо было хорошенько наклониться и подсогнуть колени. Вела она в просторную, чистую, даже по-своему уютную комнатку, небольшую, шагов десять на двадцать. Три деревянных стула, четыре шкафа со множеством полок, маленькая кровать и невысокий стол составляли всю скромную обстановку.

Шкафы были заставлены диковинной тарой: здесь теснились разной формы стеклянные баночки, небольшие весы, глиняные горшочки с сушёными травами и кореньями, деревянные ступки для толчения и растирания. Во всём этом множестве предметов – как обычных, так и довольно странных – прослеживался порядок и особое хозяйское расположение.

Жил в этом укромном жилище старик по имени Янумар, или «дед отшельник», как часто называли его жители близлежащего селения Лесной Брег. Выглядел он обыкновенно. Невысокого роста, не выше мальчишки лет десяти-двенадцати. Лицом морщинист, с широкой старческой лысиной, обрамлённой седыми, но ещё густеющими волосами, сливающимися с такой же косматой бородой. Маленький малозубый рот прятался за усами, а седые брови густо висели над небольшими, но живыми глазёнками. Движениями бойкий, старик совершенно не походил на медлительных, постоянно охающих и топчущихся на месте пожилых людей. Несмотря на почтенный вид, жизнь в нём била ключом – пусть и не с молодецкой силой, но не хуже, чем у зрелого мужчины.

В селении он был нечастый гость, а если и случалось его видеть жителям Лесного Брега, то лишь тогда, когда кто-то не на шутку захворает. Тут-то сразу посылали самого шустрого сельского сорванца в лес за дедушкой-лекарем. Всегда добродушный и улыбчивый, отшельник никогда не отказывал людям:

– Поможешь, деда? Вылечишь? – спрашивал запыхавшийся, бежавший со всех ног посыльный.

– Ну как же не помочь, помогу! Добро добро порождает! – улыбаясь, отвечал тот и, вешая сумку через плечо, отправлялся к захворавшему, опираясь на свой корявый сосновый посох с мастерски вырезанной на верхушке белкой.

Порою его одинокая жизнь порождала нелепые слухи. Шептались глупые люди, а среди приморцев и такие встречались, «что, мол, ваш дедушка-то не так прост, как кажется», «да он с животными умеет говорить», а иные болтали, что «он и не человек вовсе, а дух лесной». Но, несмотря на всю нелепую болтовню, коль что-то случалось со здоровьем неладное, сразу же бежали за помощью к безотказному лекарю.

Откуда он появился, никто не знал. Говаривали, что об этом мог помнить прежний староста, но он давно уж как помер, а новому, влюбчивому и многодетному, было совсем не до этого. Так и жил старик уединенно в прибрежной чаще, в окружении вечно качающихся сосен и лесных обитателей.

Уже седьмой месяц года близился к концу (в календаре Приморья месяцы называли числами, и равнялось их десять, что соответствовало количеству пальцев на руках).

Лучи утреннего солнца ещё не успели осветить лесную опушку, как Янумар уже стоял на ногах. Понемногу светало, и лес, за много лет привыкший к своему дружелюбному соседу, мирно пробуждался, встречая новый день.

Ежедневные хлопоты занимали все свободное время старика, но, не будем лукавить, Янумар часто находил себе занятие на ровном месте. Наверное, сказывалось врождённое желание не сидеть без дела, к старости с головой поглотившее лесного одиночку.

В первой половине дня он запланировал покосить траву вокруг домика. Она поднялась так высоко, что поутру росой мочила штаны до самого пояса. Да и дрова надо заготавливать – зимы здесь хоть и не холодные, но всё же в дождливую погоду посидеть у горящей печи, ох, как хотелось. Надо и что-нибудь приготовить к обеду, и почистить одежду, пособирать ягоды и много чего другого. И непременно всё нужно переделать до заката, даже чуть раньше, чтобы осталось время для самого важного мероприятия.

Дедушка всей душой любил свой лес. Никогда лишнего не брал, только самое необходимое, чтобы прокормиться, да и на зиму немного. Деревья и зверей берёг, как детей, что иной раз даже палочку не сломит. Но имелась у него одна страсть, что пересиливала все желания, и звалась она… мёдом. Ничего супротив пчёл он, конечно, не имел и прекрасно понимал, что берёт чужое, но ничего с собой поделать не мог и с тяжёлым сердцем шёл тревожить жужжащий дикий улей. А нынче ему особенно повезло: представилась возможность добыть добротный бочонок желанного лакомства. На это ушёл весь вечер. Пришлось немало побегать от диких пчёл, а после вытащить не один десяток жал с разных мягких мест, но это всё же того стоило.

И вот наступил вечер. Багровое солнце уже медленно и величаво двигалось к закату, окрашивая морское зеркало яркими золотеющими красками, когда уставший, весь искусанный, но сытый и довольный наш сластёна вошёл в своё простенькое жилище. Он грезил одним лишь желанием: поскорее умыться, выпить травяного чаю, да наконец-то завалиться в чистую постель.

Сон не заставил себя долго ждать, и вскоре пришла приятная дремота. Обычно Янумар не видел снов – ни добрых, ни кошмарных, спал крепко и глубоко, как спят молодые и беззаботные, но сегодня что-то пошло не так. Привиделись ему змеи, нескончаемое число змей, шипя и раскрывая свои страшные розовые пасти, они ползли со всех сторон. Большие, маленькие, зелёные, черные – и все как одна пытались обхватить ноги Янумара и впиться ядовитыми зубами. Пятясь назад, он оступился и упал на спину, ползучие гады тут же накинулись на него, обвивая руки, ноги, шею. Не получалось пошевелиться, горло сдавливало будто удавкой. Старик почувствовал, как заползающая на грудь огромная белая кобра поднимается над ним, уставив на него черные, как ночь, змеиные глазища. Замерев на мгновение, она вдруг бросается прямо в лицо – старик проснулся в холодном поту.

– Неужто я приболел? Ох уж, эти пчёлы! Ох уж, эта оказия! – сетовал на себя сластёна, решивший, что уже более не уснёт. Сев на кровать и уставившись невидящим взглядом в темноту комнаты, как обычно это бывает с внезапно проснувшимися, он невольно прислушался. По обыкновению, ночь в лесу никогда не безмолвствовала: то и дело звучали разные голоса пташек, да и букашки не отставали от своих пернатых соседей. Сейчас же за стенами всё смолкло, будто природа затаилась в присутствии чего-то чужого.

Старик встал с кровати, ему причудилось, что где-то снаружи, за окном, слышится женский смех. Он пуще прежнего натужил уши – смех явно усиливался. Звонкий, заливистый, он приближался всё ближе и ближе.

– Кто это может быть? Гулянья какие? – ободряюще спросил себя Янумар и неуверенно подошёл к двери.

В этот самый момент дверные щели засияли ярким голубовато- холодным светом. Ошеломлённый, в испуге отшельник всё же отворил засов и нерешительно приоткрыл скрипящую

дверь. В комнату ворвались ослепительные, пуще прежнего сияющие лучи. Щурясь и закрывая руками глаза, старик переступил порог.

– Ха-ха-ха! – словно гром, раздался злорадный женский хохот. – Смотри от страха не наделай в штаны! Хотя на тебе и штанов-то нет! Ха-ха-ха! – сотрясался воздух.

– Хватит! – повелительно и твердо выпалил второй голос, видимо, обращаясь к первому. – Аза, я сказала хватит!!!

Невыносимый свет исчез, дворик снова осветила привычная бледная луна. Оглядев себя, старец понял причину насмешки: он стоял в одной ночной рубахе, доходящей чуть ниже колен.

– Не тревожься, Янумар, наряд сейчас неважен.

– Ада? Ада, это ты? – не веря происходящему, спросил старик, всматриваясь широко раскрытыми глазами в ночной лес. – Где же ты? Я не вижу тебя!

– Ты что, совсем ослеп? – прозвучало грубо, и воздух снова заполнил пугающий хохот, но уже более сдержанный.

– И Аза с тобой… Но где же вы, я вас не вижу?! Что со мной? Как это всё…

– Мой милый Янумар, с тобой всё в порядке. Но сейчас на объяснения нет времени, дорого каждое мгновение, прошу, выслушай меня, – перебила его Ада и, обратившись, по-видимому, к злорадной Азе-насмешнице, грозно прибавила: – А ты не смей вмешиваться!

В ответ лишь послышалось презрительное «Хм».

– Мой добрый друг, как же я рада тебя видеть! – с трепетом начала Ада, обращаясь к босоногому собеседнику, тщетно пытавшемуся разглядеть её в звёздном небе. – Нам нужна твоя помощь! Будущее предвещает большие беды, а видения страшат напастями. Мой верный друг, мы должны спасти наши земли.

– Спасти земли? Что случилось?

– Рамаранские Топи! Ты ведь помнишь это место? Враг возродил своё жестокое племя, и его войску нет конца. Он жаждет крови, месть отравляет его и без того жестокое сердце… Но это ещё не самое важное, Янумар! – печалился женский голос. – Альвы красных гор нашли в глубинах огненных недр древние книги, те самые утерянные писания. Они пытаются разгадать забытые языки, и, если это случится, им покорятся невиданные силы. Ты ведь знаешь, какие страшные знания они могут раскрыть пытливому глазу! Если это случится, они будут в силах разогнать туман Эридена. Слышишь?! Вступив в сговор с детьми болот, они хлынут на ваши земли, перед этим поработив наши. Принесут смерть и горе, гибель народов… Двубрежье утонет во мраке!

– Неужто это возможно?.. Чем же я могу помочь?

– Уже струсил? – раздался презрительный, полный ненависти голос до сих пор молчавшей насмешницы.

– Аза! Не вмешивайся! – крикнула Ада и продолжила: – Приди ко мне, ты нам нужен, как никогда! Не спрашивая, приди. Я всё поведаю при встрече. Сейчас говорить о чём-то опасно. Времени очень мало, нужно спешить, враг коварен и… – неожиданно слова стали слабеть, захлёбываться. – Преодолей мёртвый туман, приди ко мне!

Раздался кашель.

– Аза! Аза! Мне тяжело дышать! Кровь… помоги…

– Ты убьёшь нас, дура! – воскликнула Аза. – Нужно уходить, чары забирают слишком много сил.

– Мой милый… Янумар! – затихала Ада. – Помоги… нам не выстоять без тебя.

Голос умолк. Поражённый, не в силах пошевелиться, Янумар стоял перед невысоким крыльцом, а ночь тем временем близилась к рассвету.

Забежав в дом, как это обыкновенно бывает с чересчур взволнованными людьми, Янумар не знал, за что первое схватиться, и, подойдя к кровати, дрожащими руками принялся её заправлять – на сегодня сон окончен. Поняв, что подушка с одеялом могут и подождать,

он раскрыл все шкафы и выставил на стол мешочки, набитые сушёными травами, и прочую утварь. Когда на столе не осталось свободного места, снова бросился к кровати, заглянул под неё и всё оттуда вытащил. Результаты его скорых сборов оказались невелики: стол загромоздило содержимое всех полок, на полу, помимо двух разбитых банок, об осколки которых старик порезал босую ступню, валялась одежда, старые сапоги, дорожный баул и куча всяких совершенно ненужных вещей, ещё минуту назад упорядоченно лежавших на своих местах.

Неожиданно лесной житель со всех ног ринулся во двор. Схватив приставленную к стене лопату, он понёсся по одной из тропок в чащу. Падая, в одной ночной рубахе, босиком, он всё глубже уходил в заросли. Свернув с тропы в сторону, с трудом пробираясь сквозь кусты, он очутился на большой, залитой солнцем поляне с раскинувшейся посредине широколапой елью. Приблизившись к ели и осмотревшись, старик зашагал по направлению шумящего моря; сделав шагов двадцать – взялся за лопату. Пришлось углубиться на нескольких штыков, покуда лезвие не издало ожидаемый скрежет. Янумар начал копать ещё быстрее, а когда очертания стали чёткими, так и вовсе бросился голыми руками выгребать землю, скрывавшую сундук. В это мгновение добрый дедушка скорее походил на обезумевшего искателя кладов, наконец-то нашедшего желаемое сокровище.

Выбравшись из ямы, весь перепачканный и ободранный, он потащил находку в сторону дома. Войдя в комнату, поставил деревянный ларец прямо на стол. Запустив руку за пазуху, достал висящий на шее маленький ключик и, вставив его в замочную скважину, попытался провернуть. Но замок и не думал поддаваться: время и земельная сырость заметно подпортили металл, механизм отказывался работать. Пришлось изрядно попотеть, и только через третий, а то и четвёртый десяток попыток удалось провернуть ключ и отпереть замок.

Старик-отшельник бережно вытащил на стол разные свёртки и, затаив дыхание, развязал на них кожаные шнурки. Добро, открывшееся глазам, совершенно не походило на полусгнивший сундук. Здесь лежал целёхонький средних размеров кинжал, усыпанный драгоценными камнями, изогнутый роскошный рог с прикреплённой к нему золотой цепью. Различались вещицы и поменьше: три крохотные чучела маленьких серебьких воробушков, скрученная тонкая бумага и очень длинное переливающееся чёрное перо, а ещё два кожаных мешочка, туго набитых монетами. Особенной красотой выделялись богатый перстень с впалой бычьей головой да узорчатая серебряная фибула в виде клеверного листа. Все предметы сияли новизной, не знавшей времени.

Смахнув с глаз навернувшиеся слезинки воспоминаний, старик огляделся вокруг и, будто очнувшись ото сна, опомнился и проговорил:

– Что это я? Надо непременно взять себя в руки!

Вскоре обстановка приняла свой привычный вид: непонадобившиеся вещи убраны, мешочки сложены, нога перебинтована. Да и сам кладоискатель помылся, причесался и сел за стол, поставив перед собой чернила, взяв длинное перо и бумагу из сундука.

Свёрток бумаги состоял из тонких листочков. На каждом виднелись аккуратно выведенные ряды каких-то непонятных знаков. Окунув в чернила краешек не в меру длинного, того самого чёрного пера, Янумар, нашёптывая неразборчивые фразы, начал выводить аккуратные буквы. Такая же участь ждала и другие бумажонки. После того как написанное подсохло, он переломил каждый листок надвое и туго скрутил в маленькие дудочки, а после прикрепил к лапкам трёх крохотных чучел-воробушков.

– Держите крепко! – обратился он к безмолвным пташкам и понёс их во двор.

Во дворе привычно пахло соснами и морем, а живые звуки леса приятно перекликались с шумом рокочущей волны. Отшельник протянул ладони к солнцу и замер в ожидании. Внезапно, словно очнувшись после длинной зимней спячки, птахи открыли маленькие глазки и задвигали клювиками. Размахнувшись что есть мочи, старик подбросил их кверху, к самой

крыше. Почуяв свободу, птички пробудились и, часто перебирая крылышками, закружили над головой ликующего деда.

– Летите, летите, мои хорошие! Несите мои весточки! – прокричал он, махая им вслед. Будто по команде, пернатые посыльные мигом скрылись за высокими соснами.

– Не попались бы в недобрые руки! – подумал про себя приморец.

В соломенной шляпе, с баулом через плечо наш немолодой герой отправился в путь. Он немного сожалел, что приходилось уходить именно сейчас, когда почти созрел урожай и дело запасов на зиму находилось в самом разгаре. Но чувство многолетней дружбы, скреплённое обязательством некогда данных обещаний, не смогло сравниться с горечью расставания с родным домом.

Дабы идти налегке, с собой Янумар взял, по его расчётам, лишь самое необходимое. Уложил в дорожный мешок всё из откопанного сундука, свой небольшой запас восковых свечей, кремни, еды на несколько дней, бурдюк с водой, тёплые покрывала да шерстяную накидку с колпаком. А после некоторых раздумий добавил плотно закрытый глиняный горшочек, имевший совершенно скверный запах, и кое-какие мешочки с кореньями.

Старик бодро шагал по стёжкам хорошо известного ему прибрежного леса. Вторую половину дня прошёл в раздумьях о случившемся, строил множество догадок и предположений, а бывало, что и размышлял в голос. Уже совсем стемнело, когда он вышел к излучине дороги. Вправо лежал путь к Мариналу, влево начинался пригород Громграда. В темноте виднелся свет окон постоялых домов и окраинных дорожных таверн. Решив, что идти по темноте – не самая хорошая идея, «мало ли что», да и бессонная ночь добавляла бессилия, наш путник направился в сторону крайнего постоялого дворика со звучным названием «Плёс».

Приближение ночного гостя первыми заметили залаявшие во всё горло дворняги. Вскоре, откликнувшись на собачий лай, щёлкнул и дверной засов.

– Кто там? – раздался женский голос, от которого собаки стали надрываться ещё пуще.

– Позвольте, добрые люди, уставшему страннику заночевать и передохнуть с дороги! – стараясь перекричать лай, громко сказал старик.

– Да тихо вы! – рявкнула хозяйка на сторожевых, подходя к невысокому забору.

Дверца открылась, и перед ним предстала немолодая, низенького роста женщина, в руках которой был закоптившийся подсвечник.

– Доброй ночи! – с поклоном поприветствовал её просящий.

– Что дашь взамен? – сразу же перешла к делу серьёзная особа.

Торговаться в Приморье было одним из излюблейнейших дел жителей любой части этого края. Многое зависело не от того, что ты можешь предложить, а от того, как ты это сделаешь, как ярко расскажешь обо всех достоинствах и как внушишь острую необходимость своей вещи. К большому сожалению, наш герой таким талантом совершенно не обладал, но зато отличался исключительной наблюдательностью. Мгновение поколебавшись, он вытащил из мешка пять дюжих крепких восковых свечек и с довольным видом протянул их женщине.

Хозяйка, явно не ожидавшая подобного предложения, мельком глянула на свой совсем никудышный, задымленный подсвечник, а после опытным глазом окинула простачка и решила поторговаться:

– Маловато будет!

– Ну что ж… Тогда пойду у ваших соседей попытаю счастья, – старик разочарованно поклонился, выказывая желание уйти.

– Постой-постой! Дай-ка я ещё взгляну… Ух, добротные, – рассматривала она свечи.

– Если ужином накормишь, тогда меняемся, а нет – уйду к соседям!

Опешившая от такой наглости женщина поняла, что размен проиграла. «Этот-то не так прост, как кажется!» – подумала она и, схватив оставшиеся свечи, позвала позднего гостя за

собой. Подойдя к одному из трёх небольших, но хорошо сколоченных домиков, открыла крупный амбарный замок.

– Располагайтесь! Скоро позову к столу, – и, отдав дряхлую догорающую свечку, удалилась.

Войдя внутрь, постоялец рассмотрел скромно обставленную комнату. Кое-какая деревянная мебель, небольшая кровать и камин – «всё почти как дома». Поставил свой баул в уголок и присел на твёрдую кровать.

Старик уже задремал, когда в дверь постучали и уже знакомый голос, прокашлявшись, произнёс:

– Стол накрыт. Приглашаю вас в хозяйский дом отужинать!

Хозяйский дом был значительно больше гостевых и обстановкой заметно богаче. Женщина провела гостя в просторную столовую комнату, где стоял большой деревянный стол, устланный белоснежной скатертью. В центре стола своё почётное место занял трёхглавый подсвечник с ярко горящими свечами Янумара. Повсюду разносился ароматный запах мяса, от которого сразу же заурчало в брюхе.

– Присаживайтесь, откушайте. Цыплёнок, хлеб, яблоки, вино – всё, чем богаты, – уже мягким тоном обратилась хозяйка, усаживаясь рядом. – Как звать-то тебя, гость нежданный?

– Меня-то? Янумар, – ответил тот, садясь за стол.

– А я Даяла. Муж мой помер недавно и оставил на меня хозяйство.

– Угу! – только и ответил постоялец, уплетая жареного цыплёнка.

На вид Даяле было чуть больше сорока. От природы невысокая, пышнотелая, она выглядела немного неуклюжей и неповоротливой, но относилась к тем людям, кому тучность приходилась совершенно к лицу, и представить её исхудавшей казалось совершенно невозможным. От прежней холодности не осталось и следа, даже, напротив, угадывалось желание непременно поболтать. Видимо, дела в «Плёсе» шли совсем неладно и одинокой хозяйке не хватало приветливого человеческого общения.

– А ты откуда? – расспрашивала она.

– Родом я из Лесного Брега, что близ Гремящих камней, – запивая вином, отвечал собеседник.

– Из Лесного Брега? А правда, что у вас там колдуны живут и всякие твари лесные? – по-детски страшась, поинтересовалась Даяла.

– Слышал, живут какие-то, но видеть не видывал, – заулыбался старик.

– А как у вас нынче с урожаем? У нас в этом году всё богато уродило! И яблоки, и овощи! Ветки ломятся. Сказка!

– Да и у нас не худо… – с горестным вздохом ответил Янумар, вспомнив оставленный лесной огородик.

– А ты мне вот что ещё скажи, только не смейся, – подавшись вперёд на стол, спросила женщина. – Правда ли, что у вас люди, чьи дома у самого моря, глуховатые? Я слыхала, будто от грохота морского бедняги к старости совсем глохнут, а иные и разумом мутятся.

– Ась? Совсем тебя не слышу! – засмеялся старик. – Да враки это всё! Не верь! Громко, не спорю, бывает. Когда волна большая или буря какая, то бухает похлеще грома, но люди не глохнут, привыкают. Не верь людской болтовне, наболтают ещё не то!

– Тут ты прав: у людей языки без костей. Бывает ко мне захаживают постояльцы, «Плёс»-то первый на пути, так соседи сразу треплются, что, мол, Даяла одних только мужиков к себе зовёт! Ух, собаки! – возмущалась хозяйка. – Да если бы только и мужиков, им-то какое дело?!

– А часто ли ты бываешь в южной стороне? Кто там нынче царствует?

– Ну как кто, наместник Алмаран. А бываю там нечасто. Вот сейчас яблочки соберу и повезу на столичную ярмарку. Что за ярмарки в Весмире! Сказка! Если бы не ярмарки, по миру бы пошла, постояльцы все мимо да мимо. Всё проклятая окраина – люди боятся ночевать

возле лесу! Да тут разбойников отродясь не видывали! Вот торговлей только и спасаюсь. То яблочки, то морковка – в столице всё хорошо обменивается.

– Он из какого рода будет?

– Кто? А-а. Да откуда мне знать. Я с ним объятиями не братаюсь. Знаю только, что родом из Юнамара. То ли алувских кровей, то ли из виноделов, не знаю точно.

– Ну понятно…

– Ты в столицу направляешься?

– Я к Эвресту иду, там у меня дела срочные. Другу спешу на помощь. Недавно весточка тревожная пришла – делать нечего, поднялся да пошёл.

– А ты, значит, в дружбу веришь? Скажи, что ещё и в любовь! – засмеялась Даяла.

– И в дружбу верю, и в любовь верю, куда ж без этого. Любовь, дружба – это же всё чистое, доброе, на них мир держится. Не будем верить – утопнем во мраке.

– Странный ты старик! С виду серый-серый, как воробей, а мысли вон какие произносишь! – польстила хозяйка гостю.

– Эх, воробьи-воробушки, летите, милые, летите, – будто вспомнив слова знакомой песни, пропел Янумар и поднялся из-за стола. – Спасибо тебе, добрая хозяюшка, за вкусный ужин, за компанию приятную, за беседу тёплую, спасибо, что приютила, не побрезговала.

– Да посиди ещё! Может, ещё чего хочешь? У меня такая настойка припасена, на сосновых шишках. Сказка!

– Ты уж меня прости, но пора мне спать. Долгий путь меня ожидает, дружба – дело безотлагательное. Так что не обессудь.

– Ну как знаешь. Коль что понадобится, зови, я чутко сплю.

– Хорошо. Кстати, – остановился старик, – а как сейчас добраться до столицы? Я гляжу, дороги расходятся, сейчас что, через Маринал уже никто не ходит?

– Да какой тебе Маринал? – убирая со стола, удивилась Даяла. – Сколько себя помню, в столицу всегда трактом добиралась. Через Маринал мой прадед ходил, когда ещё мальчуганом рос, шутишь ли, такой крюк. Иди по тракту, не ошибёшься, конец седьмого месяца, обозы в столицу отовсюду идут, тебя и подхватят.

– Спасибо тебе, милая, за совет нужный, подходящий! – с поклоном поблагодарил Янумар. – Доброй ночи, не гневайся, коль что не так.

– Всё так! Иди ложись, на моих подушках выспишься, как младенец! Доброй ночи! – с улыбкой попрощалась женщина.

Выйдя во двор, старик не торопясь пошёл к домику. Ночь была звёздная, тёплая. На миг задержавшись перед дверью и запрокинув голову к небу, он произнёс:

– Не попались бы только в недобрые руки!

Первые петухи ещё досматривали свои последние сны, а наш путник уже собрался в дорогу. Ему не удалось как следует выспаться: тревожные думы не покидали старческую голову, не давая уставшему телу отдыха, а разуму покоя.

Как только занялась заря, Янумар тихонько приоткрыл дверь и мышью, даже собаки не успели поднять лай, шмыгнул за ворота. Он не любил долгие прощания, да ему и не хотелось тревожить Даялу, слушать её сонные уговоры и пожелания. «Прощай, «Плёс»!» – лишь подумал гость и зашагал в сторону тракта.

Тракт лежал ещё тёмным и безлюдным. Хозяйка не обманула – новая дорога не шла ни в какое сравнение со старой: как следует укатанная, местами даже уложена ровной брусчаткой, а там, где её пересекали овраги и ручьи, выстроены мосты из мастерски сложенного камня.

Как только рассвело, потянулись нечастые обозы, в основном гружённые ранними яблоками, персиками, абрикосами. Мулами или осликами, запряженными в телеги, правили полусонные мужики, ехавшие в сопровождении своих тучных жён. Ежели мужчины приветственно кивали идущему по обочине, то женщины одинокого путника встречали хмуро, подозритель-

ным взглядом. Даяла ошиблась в одном: никто особого желания подвести пешего не изъявлял, а те, кто останавливался, непременно требовали что-то в обмен. Но, к несчастью, предложенные вещи не занимали интереса ехавших приморцев. В третий раз получив отказ и окончательно решив никого более не просить, старик обиженно поплёлся по пыльной обочине.

Близился полдень, солнце невыносимо припекало, заставляя всё чаще откупоривать бурдюк с водой. Янумар остановился перевести дух. Ноги нещадно ныли, рубашка совсем вымокла от пота. Он обернулся на приближающийся шум: из-за поворота выскочила виновница – мчалась открытая деревянная бричка с металлическим каркасом на высоких деревянных колёсах, запряжённая пегой тонконогой лошадью.

– Стоооой! – завопил сидящий на облучке парнишка лет двадцати, ловко натягивая вожжи. – Далеко ли путь держишь?

– В столицу иду! – отмахиваясь от поднявшейся пыли, ответил старец.

– Что, не берут тебя землячки?

– Не берут!

– Садись, я подкину. Да с ветерком! – юноша махнул на заднее сиденье и с улыбкой добавил: – Только держись крепко, а то зашибёшься, да и баул свой потуже привяжи.

Малый не преувеличивал. Неслись быстрее ветра, оставляя за собой клубы дорожной пыли. Настигли даже первый обоз, встретившийся ранним утром. Приближаясь к телегам, хулиган привставал на козлах и начинал громко свистеть и размахивать свободной рукой. Крестьяне, увидев, что происходит, торопливо съезжали на обочину дороги. Проносясь мимо, парень обычно кричал:

– Э-ге-гей! Веселее! – на что мужики чаще всего грозили кулаком, а женщины плевали вслед.

Поначалу дед очень обрадовался неожиданной встрече, но всё переменилось, как только двинулись в путь. Три раза он чуть ли не вылетел из брички, пару раз чуть не лишился своего баула, а однажды, обгоняя телегу, не уступившую дорогу, бричка пронеслась так близко, что рукою можно было достать наваленные на телеге яблоки. Порою малый что-то начинал рассказывать, но то ли от страха, то ли от шума колёс старик мало что слышал, всё крепче сжимая побелевшими пальцами подлокотники заднего кресла.

На нечастых остановках удалось побеседовать основательнее. Сорвиголову звали Ясэн Форс, родом он из Весмира и служит развозщиком писем и донесений при дворе наместника, а сейчас вот везёт важный ответ его величеству от знатного вельможи из Громграда, оттого-то ему и дали такой видный экипаж.

Перевалило уже за полночь, когда измотанная пегая застучала подковами по брусчатке столицы. Остановив у фонаря, Ясэн обернулся к попутчику:

– Ну всё, приехали, папаша! Сразу говорю: мне ничего от тебя не надо, и не предлагай, от чистого сердца помочь хотел. Всё равно по пути. Я всегда людей подбираю, так веселей.

– Спасибо тебе, Ясэн, сын Рума и Осалы. В признательность прими мои добрые пожелания и поклон. Всегда буду вспоминать тебя добрым словом, – поблагодарил юношу слезший с телеги попутчик.

– Ну, бывай! Мне в замок ещё надо, – простился развозчик писем и, не дождавшись ответа, вскинул вожжи и скрылся в темноте улиц.

Проводив взглядом бричку, Янумар огляделся, накинул на себя баул и зашагал по ночной улице. К удивлению, даже ночью в городе узнавалась крепкая хозяйская рука и порядок: деревья и кусты были ровно подстрижены, домики окрашены свежей краской, повсюду виднелись аккуратные вывески и фасады. Но интерес путника к городским красотам быстро иссяк. Уж как более половины дня у него не было ни крошки во рту, а не привыкшие к столь долгой езде ноги и руки болели, и страшно ломило спину.

Со временем фонари встречались всё чаще и горели заметно ярче, чем их собратья на городской окраине. Уставшие глаза жадно читали вывески – в надежде наткнуться на какой-либо постоялый двор. Ждать долго не пришлось, одним из первых попалось подворье с многообещающим названием «Три перины». Пройдя по тёмному дворику, старик постучал в окошко. Зажглась свеча, после зашевелились дверные засовы и на крыльце появился невысокий, тучный, лысенький мужичок.

– Вам чего? – подозрительно спросил он обеспокоенным голосом.

– Переночевать бы.

– А есть ли что вашей милости предложить взамен? – поинтересовался тот.

– Ну, чай, не бродяга, договоримся, – уверил его Янумар.

– Тогда следуйте за мной.

Они прошли в холл, где стояло лакированное бюро, диваны и приятно пахло уютом. Усевшись за бюро и поставив свечу поближе к краю, мужчина с неловким ожиданием осматривал полуночника. Смекнув, в чем дело, старик скинул с себя дорожный баул и начал торопливо в нём рыться, наконец вынул из мешка два добротных кремня. Удивление на лице мужчины сменилось ужасом. По-видимому, он готовился увидеть в эту минуту всё что угодно, но только не два угловатых камня. Ужас сменила физиономия разочарования.

– Это, мягко говоря, не то, что я хотел наблюдать, – тихо ответил хозяин. – Боюсь, что так мы не договоримся.

Гость положил кремни обратно и уже без всякой торопливости принялся нащупывать нужный ему предмет. По его движениям понималось, что искал он что-то определённое, заблаговременно решив отдать в случае неудачи именно это. Вскоре свеча открыла довольно редкий в этих местах предмет – щедро усыпанный камнями, средних размеров изогнутый рог с прикреплённой к нему золотой цепью.

Хозяин с нескрываемым любопытством взял протянутую ему редкую в этих местах вещицу и, поднеся ее к свету, с видом знатока сказал:

– Славная штуковина! Редкая. Говорят, раньше эти животные заселяли всю нашу долину. Нынче такого уже не сыскать. Я согласен.

– Взамен прошу кров и еду, умыться с дороги, хороший завтрак и съестные припасы на несколько дней.

– Это можно. Непременно можно! – без колебаний согласился знаток.

После ударили по рукам, и мужичок провёл Янумара в просторную, хорошо обставленную комнату с большой дубовой кроватью и белоснежно чистым постельным бельём. Смыв с себя дорожную пыль и перекусив вяленым мясом с хлебом и овощами, наш герой уснул крепким сном.

Когда дедушка-лекарь переступал порог «Трёх перин», день пребывал в самом разгаре. Несмотря на жару, улицы Весмира были заполненными и живыми. Город вовсю готовился к Большой ярмарке: повсюду развешивали разноцветные вывески, обновляли и без того неплохие надписи, подкрашивали фасады. Люди болтали, смеялись и разглядывали свои работы. Кое-где собирались даже целые компании, давая оценку ровности повешенной гирлянды или цвету магазинной вывески.

Янумар был здесь впервые. Он с большим любопытством рассматривал улицы этой, по меркам Приморья, молодой столицы. В большинстве своём дома, выложенные из светлого камня, покрывались крышами тёмно-синего, красного или жёлтого цвета. Строения не отделялись друг от друга, а следовали одним длинным раскидистым белым забором. Тут и там располагались ухоженные клумбы с красивыми здешними цветами. Все горожане – чисто одетые, обходились приветливо и дружелюбно. К центру города уличные украшения участились, стали появляться сколоченные деревянные прилавки для торговли, да и дома здесь были основатель-

нее и краше. Все улицы вели к большой круглой площади, где отовсюду доносились рабочий гам и удары молотков, веяло ароматом свежесрубленной древесины.

«Коль доведётся, обязательно ещё сюда загляну!» – пообещал себе Янумар и, спросив у первого встречного дорогу, зашагал в сторону востока.

Выйдя на окраину, вгляделся в даль. Сквозь знойный мираж просматривались очертания исполинских гор, одна из которых, как дитя, ростом обгоняющее сверстников, возвышалась над остальными.

– Жди, отец Эврест, скоро буду у твоих ног, – и, поправив туго набитый припасами баул, старик зашагал в направлении гор.

Грунтовая дорога тянулась по берегу реки Лартимус, бравшей свои истоки от ледников Нарт. Вода в ней текла настолько холодная, что, несмотря на жару, находиться в ней было куда неприятнее, чем под палящим солнцем. Через час пути дорога ушла в сторону, сменившись тропой, то терявшейся в траве, то вновь возникающей под ногами. Часто на пути попадались небольшие селения, в них, по сравнению со столицей, царили спокойствие и пустота. Взрослые прятались от дневного зноя, и лишь стайки говорливых ребятишек с криками проносились в сторону речки.

Янумар шёл беспрерывно всё оставшееся светлое время, но день неумолимо близился к закату. Вечера в этих местах отличались особой духотой, отчего ободряющая прохлада опускалась лишь с наступлением темноты. Устроившись на берегу Лартимуса, сытно перекусив и укутавшись в шерстяные одеяла, от которых приятно пахло хвоей и домом, под звёздным небом, под убаюкивающий шум реки старик засопел.

Вот уже как вторые сутки без сна и отдыха лесной житель приближался к подножию горы Эврест. За это время плечи его заметно осунулись, лицо сильно обгорело, а под глазами виднелись серые бессонные синяки. Растрёпанный, в пыли, Янумар больше походил на бродягу, которых в Приморье люди ой как не любили и относились к ним с нескрываемым пренебрежением, потому что считали: «Коли целы руки и ноги, ты обязан честным трудом заработать себе кусок хлеба, а не попрошайничать!»

Добраться до предгорья довелось лишь к закату третьего дня. Массивная табличка-указатель, прибитая к одиноко стоявшему дорожному столбу, оповестила о приближении к крайнему селению, разместившемуся под сводом отвесных скал под названием Угорье. Чуть пониже висела сгнившая дощечка, на ней еле проглядывались выдолбленные непонятные знаки – название местечка на забытом языке.

– Такого уже нигде не встретишь, – удивился старец.

Угорье, хоть и называлось селением, состояло лишь из семи-девяти дворов, в спустившейся темноте трудно было разобрать, да и особого желания не имелось. Отовсюду слышалось блеяние овец, и стоял зловонный запах навоза – по-видимому, местные жители разводили их в немалых количествах.

Из всех домов старик пожелал попроситься на ночлег в самый простенький, поменьше других, стоявший немного в стороне, на окраине, практически вплотную примыкавший к отвесной скале. Пришлось без малого полчаса колотить в покосившиеся ворота, шум встревожил всех соседей в округе, но нужный дом оставался безмолвным. Уже не надеясь на успех своей затеи, Янумар собрался идти прочь, как вдруг из-за ворот раздалось беспокойное: «Кто там?»

«Испугались!» – подумал отшельник и, стараясь быть более приветливым, ответил:

– Здравствуйте, добрые люди! Зовут меня Янумар, родом я из местечка близ Громграда. Пришёл в ваши земли в поисках редких горных трав целебных. Дорога моя выдалась тяжёлая, весь путь стоял страшный зной, оттого прошу дозволения заночевать и передохнуть под вашей

крышей. Мне много места не надо, еда у меня есть, человек я пожилой, без злых помыслов. Уповаю на людскую доброту, надеюсь, что сторгуемся.

За воротами послышались возня и шептание. Кто-то явно не хотел отпирать, видимо, страшась впускать редкого в здешних местах гостя, другая же сторона, более сговорчивая, с явно большим интересом восприняла нежданный визит. Шёпот хозяев сложно распознавался, но последние слова, сказанные раздражённым женским голосом, всё же расслышались: «Не будь трусом!» После всё затихло и лязгнул засов.

Хозяина дома звали Бриандин Шалтер, и был он, как все… Как все здешние, разводил овец и коз. Как все, пас своё стадо на зелёных холмах предгорья. Как все, в своё время женился на местной, не самой красивой, но и не самой неприятной девице. Как все, любил вино по праздникам и в хмелю громко пел и неумело плясал. Но, к несчастью, пришлось ему, как говорят в Приморье, родиться не под счастливой звездой. Возможно, он и сам делал что-то не то или не так, но его непременно повсюду преследовал злой рок. Хищные звери, временами нападавшие на овец, по обыкновению, в первую очередь перегрызали половину именно его стада. Камни, с грохотом валившиеся со скал, угождали непременно в крышу его дома. Шло время. После тяжёлых родов скончалась молодая жена, оставив супругу грудного младенца. Вскоре от старости померли родители. Бриандин, оставшись один, как мог, воспитывал сына, как мог, разводил скотину, как мог, жил.

Не без малого участия старосты Угорья Шалтер женился во второй раз. Его избранницей стала вдова господина Рамса, пару лет назад растерзанного волками, Эргелита Рамс, недурная собой, но, к несчастью, имевшая прескверный характер, да ещё и двух толстеньких двойняшек-сыновей – Булина и Тулина, однолеток сына Бриандина, Оллина. Приданого у Эргелиты не нашлось: всё имущество покойного супруга присвоили себе его братья, оставив вдовице лишь глиняные горшки, с коими она и перебралась в дом к новому мужу.

Новая жена, не столь кроткая, по сравнению с покойной, с первого же дня замужества взяла на себя бразды правления делами семьи. Мужа склонила наниматься работать на соседей, а малолетнего Оллина «любящая» мачеха заставила пасти овец.

Проснувшись, Янумар почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Поднявшись на локтях, осмотрелся. В душном полумраке сарая, в котором ему за три бутылки маринальского молодого вина разрешили переночевать, пахло свежим сеном. В пробивающихся сквозь щели лучах солнца резвились бессчётные пылинки, во дворе во всё горло горланили петухи.

Рядом была деревянная лестница на чердак, на ней-то и сидел рассматривающий пробудившегося гостя мальчик.

– Ты дёргаешься во сне, как наша собака, – оповестил тот, – это значит, что у тебя беспокойный сон. И ещё ты всё повторял «Ада! Ада!» – спародировал наглец. – Кто это?

– Для своих лет ты слишком любопытен, – ответил старик. Впервые за последнее время ему не привиделись кошмары и в сновидения не влезали ни змеи, ни кобры, но всё же спал он беспокойно. – Ты сын хозяев дома?

– Я сын хозяина дома – Бриандина, Эргелита мне не мать! – возмущённо оповестил юнец.

– Как тебя зовут?

– Оллин Шалтер – сын Бриандина и Эвины.

– А я долго проспал?

– День перевалился за полдень, – он ловко соскочил с лестницы на сено. – Я уже успел пригнать стадо на озеро.

Не ожидавший такого, Янумар заторопился собираться: свернул одеяла, поднял пустой бурдюк и протянул его Оллину:

– Принеси мне воды, пожалуйста.

– Ты что, уже уходишь? – испугался сорванец и, не обращая внимания на просьбу, прислонился к щели, всматриваясь: – Тебе не стоит так спешить, полежи ещё.

В этот момент во дворе раздался какой-то шум, а после донёсся гневный голос мачехи:

– Оллин! Негодяй! Ты опять бросил стадо на озере! – вопила она. – Не миновать тебе розги! Собственноручно высеку, неблагодарный гадёныш! – Эргелина направлялась к сараю.

Глаза ребёнка испуганно забегали в поисках укрытия. Старику совсем не хотелось влезать в их семейные свары, но жалость взяла верх, к тому же хозяйка ему сразу не понравилась.

– Заройся в сено, я накрою тебя. Да только сиди тихо, – и он раскинул свёрнутое одеяло.

Малец не заставил себя долго ждать и упал в сено с головой. Гость аккуратно накрыл его одеялом, а рядом поставил свой дорожный баул. Как раз в это мгновение, довольно резко, открылась дверь сарая.

– Добрый день, великодушная хозяйка! – на упреждение поздоровался с пустым дверным проёмом старик.

В дверях появилась раскрасневшаяся Эргелита. В гневе она совершенно позабыла, что у неё в сарае приютился пожилой путник. Она вошла, широко улыбаясь, глаза её шарили по углам.

– Доброго дня… Эм…

– Янумар.

– Да-да, Янумар. Хорошо ли вам спалось? Очень жаль, что вы скоро покинете нас. Мы всегда рады гостям, – соврала хозяйка.

– Спал, как убитый! Как и договаривались, после пробуждения я вас оставлю.

– А не забегал ли к вам сорванец? Нигде не могу его найти!

– Нет. Здесь, кроме меня и несушки в углу, никого нет.

– Где же этот негодник? Найду – выпорю! – добродушная улыбка вмиг пропала, и лицо женщины исказилось гримасой злобной досады. – Вам что-нибудь ещё нужно? – уже с прежней льстивостью поинтересовалась Эргелита.

– Спасибо за заботу, у меня всего вдоволь, – ответил старик. – С вашего позволения соберу свои пожитки и уйду прочь.

– Как прикажешь, дорогой гость! – женщина ещё раз обшарила взглядом сарай, перед уходом даже поднялась на лестницу, заглянула на чердак и, окончательно разочаровавшись, вышла вон.

– Булин, Тулин, для вас есть работа! Сыночки! – послышался удаляющийся крик Эргелиты Рамс.

Янумар поднял одеяло:

– Вылезай, она ушла.

– Фуух! Я чуть не задохнулся! – снимая с себя пучки сушёной травы, сетовал мальчик. – Ещё твой мешок! Он мне ногу отдавил.

– Вот неблагодарный! – улыбнулся старик, продолжая свои сборы. – Может, мне позвать госпожу, и ты ей расскажешь, что тебе отдавили?

– Ладно-ладно… Спасибо тебе. Так как же тебя зовут? – решив сменить тему, спросил Оллин.

– Меня зовут Янумар, и мне нужна вода, ты ведь поможешь мне?

– Помогу, иди за мной!

Взяв посох и накинув на себя мешок, старик двинулся следом за сорванцом. Вышмыгнув из сарая, они пролезли сквозь дыру в заборе, скрытую за зарослями крапивы, что с мешком далось с большим трудом, а дальше по тропинке вышли на дорогу.

– Надо поскорее! – заторопился мальчик. – Мачеха отправит к стаду своих толстяков. Нельзя, чтобы они нас увидели!

Подчиняясь и не спрашивая, кто такие «толстяки», гость ускорил шаг. Вскоре они свернули на ещё одну тропу, петляя и огибая озеро, она привела их к другой стороне берега, густо заросшей тростником.

– Ступай за мной! – важно скомандовал пастушонок и двинулся в заросли. В воде лежали скреплённые между собой небольшие брёвна, образуя плавучую переправу. Вскоре тростник расступился, открывая небольшой, поросший нежной зелёной травкой островок с одиноко раскинувшейся на нём пихтой.

– Об этом месте никто не знает, – с гордостью заявил мальчик. – Вода здесь самая чистая в озере, как стекло. Никаких тебе баранов, запахов и мути.

Старик приблизился к пологому берегу. Перед ним раскинулось чудесное озеро, со всех сторон окруженное невысокими горами, до самых вершин густо покрытыми деревьями. Водная гладь, поблёскивая на солнце, радовала глаз приятной бирюзой, веяло прохладой и свежестью.

– Раньше, когда мой прадедушка ещё лазил в ползунках, здесь текла речка, – с видом знатока рассказывал Оллин. – Но потом случилось содрогание земли, и половина вон-той горы упала, перегородив русло. Дед говорил, что вода под горами питает наше озеро, а когда её слишком много, она переливается через край и впадает в Лартимус. Он здесь рядом.

– Ты смышлёный малый, – похвалил его Янумар, – сколько тебе вёсен?

– У нас говорят – лет. Ни вёсен, а лет, как на юге. Мне двенадцать.

– Так, значит, ты бросил у водопоя вверенное тебе стадо? – осудительно спросил взрослый, наполняя свой бурдюк.

– Пусть его пасёт мачеха вместе со своим жирдяями. У них хорошо получится ладить с себе подобными, – засмеялся Оллин, ловко запуская по воде камешки.

– Ты голоден? – поинтересовался старик, доставая из мешка свертки. – У меня есть мясо, сыр, овощи, хлеб и фрукты. Многое надо побыстрее съесть, а то пропадёт.

Мальчик заметно стеснялся, косясь на аппетитные припасы.

– Садись! Скрепим наше знакомство хорошим обедом.

Немного помявшись, он всё же согласился и, сняв свою рубаху, сел.

За обедом Янумар как следует разглядел своего юного помощника. Напротив сидело красивое, хоть и запачканное лицо, скулы плавно переходили к щекам, а округлый подбородок подчёркивал клиновидную форму. Глубоко посаженные глаза смотрели опасливо и долго не задерживались на одном предмете. Нестриженые, грубые соломенные волосы, выгоревшие на солнце, давно не видели мыла и горячей воды. Загорелое тело такое тонкое, что могло переломиться от сильного ветра. Грязь въелась в вечно босые ноги, да и пальцы рук не отличались особой чистотой. «Маленький волчонок», – подумал отшельник, искоса поглядывая на нового приятеля.

– Чем занимается твой отец? – решил нарушить молчание Янумар.

– Ранним утром он уехал с соседями во Властерин, продавать на ярмарке овечью шерсть, ягнят и мясо.

– Жаль, что тебя с собой не взял, Властерин очень красивый город. Совсем новенький.

– Мне нужно смотреть за стадом, – улыбаясь и жуя, ответил мальчик и продолжил: – Бабушка, когда была жива, постоянно брала меня с собой, но я был совсем маленьким, отчего город не помню, помню лишь, что там очень много народу. Съезжаются со всего Приморья.

– А ты ходил в горы?

– Несколько раз ходил. Вон за тем холмом начинается ущелье, оно тянется до царя-Эвреста, – указал мальчик на невысокую гору на той стороне озера. – Там страшно и холодно. Горы вокруг нас, по сравнению с ними, – пузатые младенцы, – предостерёг сорванец.

– Понятно…

– Скоро я вырасту и тоже отправлюсь в странствия, – неожиданно похвастался Оллин. – Пойду на юг, к Юнамару. Хочу увидеть бескрайние виноградники. Побываю в каждом селении, во всех городах Приморья, – не унимался мечтатель. – Смотри, я уже готовлюсь!

Мальчик бросился к дереву, проворно вскарабкался на него и через мгновение спрыгнул вниз, держа в руках баранью шкуру. Да не просто шкуру, а сшитую из неё, причём довольно неумело, небольшую куртку. В ней, к тому же, хранились ржавый сломанный меч, небольшой топор и совсем новенький кухонный нож.

– Богатый скарб, – усмехнулся старик.

– Я буду воином! – не поняв насмешки, объяснял пастушонок и, взяв ржавый меч, а вернее то, что от него осталось, затеял делать им неумелые выпады. – Мечом я почти овладел, осталось научиться бою с топором и кинжалом.

– А могу ли я попросить тебя ещё об одной просьбе?

Ребёнок взглянул на разложенные сверки, шкуру, затем на собеседника.

– Меч я тебе не отдам, и не проси, можешь взять себе кинжал, топор мне самому нужен.

– Мне не нужно твоё «оружие». Помоги мне нарубить пару ровных палок с этого дерева.

– А зачем они тебе? – удивился мальчик.

– Не задавай лишних вопросов. Взамен я отдам тебе все яблоки.

– Хм, – задумался юный мечник. – Идёт! Но это только потому, что ты угостил меня обедом, но яблоки я тоже возьму!

Пока Янумар собирал недоеденную провизию, коей оставалось ещё немало, Оллин, что-то напевая, орудовал топором. Толстые ветки одна за другой падали на траву.

– Сколько нужно-то?

– Две-три.

– Толстых?

– С твою руку.

– Понял.

Когда ровненькие палки уложили связанными в мешок, пришло время прощаться.

– Ну что, Оллин – сын Бриандина и Эвины, спасибо тебе за помощь! – протянул руку старик.

– И тебе спасибо! – отозвался пастушонок, прижимая к себе свёрток с яблоками.

– Буду в ваших местах, обязательно наведаюсь к тебе в гости.

– Только не затягивай, а то можешь меня не застать! – предупредил будущий воин-скиталец.

Янумар, поклонившись на прощание, шагнул в тростник на плавучий мостик, Оллин же как ни в чём не бывало полез на дерево прятать своё оружие и яблоки.

Выйдя из тростника, отшельник поднялся на пригорок. На другой стороне, у воды, толпилась куча овец. Оттуда доносились гневные крики и блеяние беспомощных животных, сливающееся с лаем разозлённых собак. Всему виной были два тучных мальчишки. Не в силах собрать своё стадо, они распугали чужие, некоторых овец даже загнали в воду. Пастухи, взбешённые таким безобразием, грозили глупым неумёхам кнутами, те же в свою очередь бросали в них камни.

– Вот что за толстяки. Они и вправду бестолковые, – посетовал старик и зашагал в сторону ущелья.

Путь в ущелье оказался нелегким, с продвижением вперёд подъём становился всё круче. Тени вершин безмолвно нависали над головой чужака, порождая чувство страха и человеческой ничтожности перед чем-то величественным и таинственным. Здоровый сон, чистейший горный воздух хорошо подействовали на уже немолодого путника, ещё не стемнело, как он вышел к подножию Эвреста. Всю дорогу Янумар боялся встретить дикого зверя, однако ему

повезло: на пути попадались лишь ширококрылые орланы, с испугом улетавшие в небо, да дикие козлы, которые, стоя над провалом, мирно щипали траву.

«Здравствуй, Эврест!» – низко поклонившись, поприветствовал гору приморец и, скинув баул, взялся за непонятные приготовления. Достав из мешка одно из одеял, разрезал его на полосы шириной с ладонь. Одной из таких полос плотно обмотал конец палки и получившийся шерстяной набалдашник сунул в горшок с неприятным запахом. После, отложив это приспособление, пошёл искать дрова, внимательно выбирая каждое полено, отбрасывая трухлявые и забирая те, что поплотнее да полегче.

Стемнело. Перекусив и собрав всю свою поклажу, дедушка взгромоздил на себя мешок и туго стянутую верёвкой вязанку дров, в одну руку взял посох, в другую – пропитавшийся факел и приблизился к скале. Он внимательно рассмотрел каждый метр еле видной в сумерках каменной стены.

– Кажется, здесь! – сказал он и принялся ощупывать камень. Вскоре его пальцы коснулись фигуры правильной треугольной формы. Ликуя от успеха, он надавил на неё, но ничего не случилось. Собравшись с силами, отшельник навалился всем весом старческого тела, и камень поддался, покорно утопая в скале. В трёх шагах раздался звук трущейся породы – открылась тайная дверь, повеяло зловещей прохладой и сыростью. Оглянувшись по сторонам, он достал из кармана кремни и, сунув факел под мышку, выбил на него искры. Факел вспыхнул, и вмиг всё озарило ярким светом пламени. Освещённый проход больше походил на раскрытую пасть гигантского чудовища, но наш герой и не думал бояться, смело переступил порог пещеры, тайная дверь за ним закрылась.

– Эрхимир – дорога в ночи, – огляделся Янумар, наступая на уходящую вглубь мощёную дорожку, и осторожно стал пробираться вперёд. Перед ним открылось подземелье, такое необъятное, что свет факела не мог полностью осветить её границы, терявшиеся во мраке. Вскоре тропа перешла в крутую лестницу, состоящую из широких ступеней без перил, выточенных прямо в скале. Нога тихонько опустилась на первую ступень, справа зияла чёрная дыра бездны.

– Первая, вторая, третья… – ободрительно считал старик. Его глаза привыкли к полумраку, а шаг становился твёрже и увереннее.

Прошло не менее получаса, покуда Янумар дошёл до твёрдого дна пещеры. Не снимая с себя мешок, он повалился на последние ступени перевести дух. Громадные валуны вокруг отбрасывали тени, напоминая невиданных существ, повсюду стояла тишина, нарушаемая лишь монотонным падением капель воды.

Неожиданно, откуда-то сверху, донёсся странный, но отчётливый шум. Приморец настороженно прислушался и испуганно прошептал: «Не может быть!» В тот же миг раздался звенящий, разносящийся под самые своды стук брошенного по каменной лестнице булыжника. «Кто это? О существовании Эрхимира не знает ни одна живая душа!»

Удары прекратились, и эхом прозвучал жалобный голос:

– Янумар, где ты? Эй, старик!

– Да разразит меня гром! – гневно воскликнул Янумар, добавив к этому ещё пару крепких, не самых благозвучных выражений. Догадавшись, что произошло, он хотел не отвечать, но подумав, что это будет слишком подло, набрал полную грудь воздуха и крикнул:

– Пастушонок, это ты?

– Я! Это я! – завопил радостный Оллин. – Я случайно забрался в эту проклятую пещеру. Пытался выбраться, но не выходит! Здесь так темно и холодно. Где ты? Ты внизу?

– Случайно он забрался, – возмущался дед. Скинув с себя баул и вязанку дров, он взволнованно расхаживал взад-вперёд. По обыкновению, в подобные минуты тревоги и крайнего возбуждения он становился растерян и не знал, что ему предпринять.

– Янумар! – в нетерпении кричал мальчик. – Что мне делать?

– Спускайся вниз! Да-да! Спускайся по ступеням! – и, обращаясь к самому себе, вполголоса добавил: – Пусть спустится, а тут уже спокойно разберёмся… Глупец, какой же я глупец!

– Я не могу, ничего не видать, хоть глаз выколи. Если я сорвусь в пропасть?! – не соглашался Оллин.

– Нет-нет! Тебе непременно нужно вниз! – испугался отшельник. – Ступени широкие, хоть и крутые, становись на четвереньки, прими влево и на ощупь спускайся. Это совсем неопасно!

Маленький верхолаз медленно ощупывал лестницу. Янумар всячески его подбадривал, давал советы, даже шутил, но долго стараться не пришлось: ловкий малый через десяток ступеней сам смекнул что к чему и проворно полз в кромешной темноте. В это время старик сидел весь в раздумьях, в голову лезли разные мысли, пытавшиеся ответить лишь на один вопрос – «как поступить?»

– Может отвести его назад? – размышлял он вслух. – Взять честное слово, что будет молчать. Но он ведь такой болтливый! Я знаю эту породу – язык, как помело! Как пить дать расскажет, да ещё и приведёт показать, коль не поверят! Глупый, какой же я глупый! А что, если… Ну нет! Так хоть будет при мне, а я присмотрю за ним, в обиду не дам. Ведь надо торопиться! А что ему здесь? Отец вечно в заботах, до него нет дела, а мачеха и вовсе не любит – растёт, как трава в поле! Всё равно ведь хочет сбежать, не сегодня, так завтра, того и гляди попадет в худые руки, а я его и грамоте обучу, и пригляжу, и кормить буду…

Янумара прервал Оллин, увидев свет факела, он закричал:

– Старик! Я почти спустился. Как же здесь холодно, бррр! Ты зачем сюда забрался? Что это за дверь там такая?

– Не торопись, я жду тебя!

Наконец мальчик спустился. Его подозрительные глаза испуганно озирались, но он искренне радовался встрече со «старым» другом.

– Зачем ты увязался за мной? – накинулся на него Янумар.

– Я…я… Ты ведь пошёл один в горы, мало ли чего.

– Ты не должен здесь находиться! Это неправильно. Ты ведь совсем ещё ребёнок. – Вот, держи, – он подал одеяло, в которое продрогший сорванец укутался с головой. – Придётся тебе пойти со мной.

– Ещё чего! Никуда я с тобой не пойду, – возмутился пастушонок. – Хватит с меня. Отведи меня домой! Нагулялись!

– У тебя нет выбора. Ты раб своей малолетней глупости, Оллин – сын Бриандина и Эвины. Твоя пустая голова нашла работу твоим тонким ногам!

– Каким ещё ногам? Я никуда с тобой не пойду. Ты мне чужой человек. Вот ещё чего удумал!

– А что же ты собираешься делать?

– Домой вернусь. Вот согреюсь, возьму факел и пойду. Ты только скажи, как мне открыть ту дурацкую дверь наверху! Что там нужно вдавить?

– Глупый мальчик, она сейчас не откроется, надо ждать тридцать дней. За это время ты умрёшь от голода!

– Что это ещё за такое? – негодовал Оллин.

– Мне надо идти, я спешу, а ты можешь оставаться, ждать осталось недолго, через двадцать девять дней дверь откроется.

С этими словами разозлившийся старик взгромоздил на себя баул, дрова и устремился с факелом в темноту. С минуту пастушонок стоял в молчании, свет удалялся всё дальше и дальше, оставляя за собой одиночество и страх. Пока ещё что-то виднелось, не выдержав, он бросился следом.

– Ты ведь меня не загубишь? – догнав Янумара, с детской наивностью спросил юнец.

– Если будешь много болтать, оставлю тебя здесь, на съедение летучим мышам! – ответил Янумар.

Мальчишка замолк. Они продвигались вперед по петляющему мощёному пути, то обходя горные глыбы, то перепрыгивая с камня на камень, то пробираясь через завалы. Вокруг не было ни одной живой души, лишь изредка, когда потолок опускался, озаряемый светом огня, что-то в его дальних углах начинало шевелиться. «Летучие мыши», – догадался Оллин, но они не походили на тех, каких видел он раньше, по писку и шуму крыльев казалось, что размерами они доходили чуть ли не до откормленного гуся.

Хоть в душе мальчик и испытывал беспокойство – неизвестность будущего сильно пугала его, но всё же он чувствовал, что старик не причинит ему вреда, пусть даже они знакомы совсем недавно. Страх постепенно сменился восторгом: факел открывал перед глазами ребёнка новый, таинственный, завораживающий подземный мир.

С каждым пройденным часом пещера становилась всё огромнее, исчезло журчание струящейся воды, небольшие озёра, попадавшиеся вначале, сменились высоченными выступами. Стало заметно суше, но зябкая прохлада постоянно сопровождала подземных скитальцев. Порою вода снова возвращалась, с потолка струились ручейки, попадая каплями за шиворот, а на потолке и стенах виднелись висящие каменные сосульки, похожие на клыки ужасной пасти.

Оллина всё это забавляло: он вместе с взрослым участвует в очередной забаве, которая до ужаса рассердит мачеху и, как всегда, огорчит отца. Вот-вот появится свет, они выберутся на поверхность и вместе отправятся к нему домой, он ляжет в свою кровать, а старик отправится спать в сарай. Но этого почему-то не происходило. В молчании невольные попутчики удалялись всё дальше и дальше, уходя от заветной лестницы. Горящий факел лишь на несколько шагов вперёд освещал пещерную темень. Оллин всё чаще подумывал: а не вернуться ли обратно? Но, глядя назад в чёрную непроглядную темноту, он испытывал такой страх, что мигом догонял живо шагающего Янумара и старался держаться поближе к свету. Прошёл час или вся ночь? Пастушонок давно потерялся во времени и не понимал, какое сейчас время суток. Ему хотелось разрыдаться и со всех ног броситься домой, к свету, но внутренний страх, ещё больший по сравнению со страхом неизвестного пути, останавливал его, заставляя безмолвно плестись за стариком.

Сухие дрова, жадно пожираемые огнём костра, звонко трещали, разнося эхо под высокий потолок пещеры, а поднимавшиеся искры безвозвратно исчезали в холодном мраке. Невольно притягивающие взгляд языки пламени, словно весёлые существа, до конца неизвестные, но знакомые и живые, кружились в своём смертельном танце, оставляя после себя лишь мёртвый пепел и золу.

Юный Шалтер, перекусив, теснился поближе к огню, с головой кутаясь в одеяло и протягивая вперёд озябшие ладони. Он давно не разговаривал, что крайне на него не походило, мысли о доме, занимавшие голову, почти отступили, уступив место беспокойству.

– Смотри не загорись! – предостережением нарушил молчание сидевший напротив старик.

– Я осторожно, – успокоил его Оллин, не сводя глаз с яркого пламени. – А где мы сейчас? – неожиданно спросил ребёнок и уставил на взрослого поблёскивающие от костра бирюзовые глазки.

– Сейчас мы следуем по Эльхимиру – по дороге во мраке. Этот путь выведет нас на ту сторону горной гряды, – ответил Янумар. По его тону было понятно, что он тоже не против поболтать на сон грядущий.

– А зачем ты направляешься туда?

– Я иду ещё дальше, на восток, в край, где уже тысячу лет не ступала нога человека.

Глаза мальчишки широко раскрылись. Старик подумал, что брякнул лишнее и напугал его, очень уж давно ему не приходилось иметь дел с ребятней. Но, к удивлению, Оллин без боязни, а даже с надеждой и восторгом, свойственным лишь детям, спросил:

– Так, значит, и я отправлюсь с тобой туда, где не ступала нога человека?

– Возможно, ещё не знаю. К худу или к добру, но выпало нам на долю встретиться, а ничто не происходит случайно, особенно здесь…

– А почему там нет людей? – перебил пастушонок, явно заинтересовавшийся этим таинственным местом.

– Если ты будешь как следует меня слушать, я всё тебе расскажу, но всему своё время. Когда в одночасье узнаешь слишком много, может лопнуть голова.

– Как арбуз?

– Как арбуз! – засмеялся старик.

– Ты не говоришь из-за того, что я ещё маленький?

– Нет, я не говорю, потому что не знаю, можно ли тебе доверять. К тому же некоторые знания могут быть для тебя опасны, – предостерёг дедушка.

– Тогда расскажи о чём-нибудь неопасном, – не отставал мальчик.

Старик молчал в нерешительности, но всё же заговорил:

– Ну хорошо, попытаюсь. Слушай! Прямо посередине бескрайних земель, что в тысячи раз превосходят размерами наше Приморье, протекает река…

– Как Лартимус?

– Что ты, в сотню раз шире, такая широкая, что не видно другого берега!

– Ого! – представил юнец.

– Да! И левый её берег издревле называли Черноземьем. Всё из-за земли – чёрной, плодовитой, где несчётное количество полей и садов, а лесам нет конца, что впору заблудиться целой армии. Там проживает множество людей: одни живут далеко на севере, где круглый год лютая зима, а другие на юге, где солнце обжигает, словно раскалённое железо. Удивительное место, но оно меркнет в сравнении с левым берегом – Чужеземьем. Нарекли его так потому, что люди очень уж редко туда захаживали. Жители левой стороны недоверчивые, они считали людей вероломными и корыстными. Ты и представить себе не можешь, каких диковинных существ можно было там повстречать – народы, чьи корни воедино переплетены с духом природы, с её первым Началом, они веками стояли на страже добр...

Разгорячённому Янумару не довелось докончить свой рассказ: подняв глаза от пламени, он увидел, что его маленький слушатель, свесив голову, мирно посапывает. Улыбнувшись, старик поправил на нём одеяло, подбросил в костёр последние дрова и прилёг рядом.

Оллин дёргался во сне, ему снилось сражение, где он на высоком чёрном коне ведёт в атаку неподвластное счёту выученное войско. Звон мячей, топот копыт, неистовые крики бегущего в ужасе врага. И вот он уже победитель, а люди с восторгом и страхом встречают шествие могучего воина-спасителя.

Старику же грезились не столь эпичные картины, воображаемые впечатлительным детским разумом, а давно забытые события собственной жизни, где туман проплывал по песчаному берегу голубого озера, а к нему спускались знакомые лесные тропинки, на которых угадывался каждый камешек, каждый торчащий из земли корешок. Птицы напевали весёлые весенние песни, а рыбы плескались в прозрачной чистой воде. Молодая девушка в шёлковом платье, подбежав сзади, обхватила его голову белыми тонкими ладошками и, еле сдерживая заразительный смех, спросила:

– Угадай кто?

Янумар молчал, он точно помнил, что это происходило именно с ним, но очень-очень давно, во времена его молодости. К горлу невольно подступил ком, не дававший ответить.

– Венера! – все же с хрипотцой произнёс он.

– Как ты догадался?

– Ты пахнешь фиалками.

– И давно ли ты знаешь мой запах? – удивлённо спросила девушка, повернув его к себе.

– Да! Очень давно, как только увидел тебя, – возбуждённо ответил Янумар.

– А какой запах у других, ты тоже знаешь? – улыбаясь, спросила она.

– Ну… у каждого по-разному. От Ады пахнет лесом, деревьями. От Арлинда часто разит потом, он слишком много тренируется, стараясь овладеть мячом. А вот от Мольфара – жуками, которых он ловит своему хорьку. – Оба почти одновременно засмеялись.

– Это точно, жуки Мольфара источают прескверный запах. Его ни с чем не спутаешь. Знаешь, Янумар, я искала встречи не просто так, у меня есть для тебя подарок.

– Подарок? Мне никто никогда не дарил подарков.

– Вот держи, – девушка вложила ему в ладонь небольшую серебряную фибулу и нежно посмотрела в глаза. – В моей стране клевер – это символ дружбы и любви.

– Я никогда не видел такой красоты! – восхищался Янумар, разглядывая украшение. Фибула и в самом деле выглядела великолепно: серебро ярко переливалось, а маленькие драгоценные камешки, рассыпанные по металлу, поблёскивали льдинками на солнце.

– Я благодарю тебя, Венера, за такой чудесный подарок. К сожалению, мне нечего тебе подарить, у меня ничего нет.

– Кое-чем ты всё же можешь ответить, – краснея, предложила девица.

– Чем же?

– Подари мне свой поцелуй.

– Поцелуй? – в нерешительности переспросил приморец. Он вовсе не боялся поцелуев, да и наедине вёл себя уверенно, но предложение Венеры его явно сконфузило. С минуту помедлив, он, всё же решившись, медленно обнял её за талию и приблизил к себе. Они поцеловались…

Старик открыл глаза. Похолодало. Догоревший костёр дотлевал, выпуская тонкие струйки дыма. Отшельник поднялся и живо бросился рыться в дорожном мешке, пока не достал ту самую серебряную фибулу – лепесток клевера. «Больше не сниму!» – твёрдо решил Янумар.

Мальчика разбудило лёгкое покачивание: Янумар аккуратно тряс его, взяв за плечи, повторяя ненавистные каждому, не желающему просыпаться, слова: «Вставай! Вставай!» Оллин поднялся. Всё уже было готово к отправлению, вещи уложены, а последние тлеющие угли потушены. Вокруг стояла всё та же жуткая темнота, не дававшая понять точное время суток. Тем временем старик, пару раз чиркнув кремнем, поджёг новый факел. Он и до этого не раз проделывал подобное, но отчего-то этот свет мальчику виделся особенно ярким, даже радостным.

– Пару часов пройдём и позавтракаем. Еды осталось немного, да и дрова закончились, непременно нужно добраться к концу сегодняшней ночи, – обратился старик к ребёнку. Малец не отвечал, ему очень хотелось спать.

Второй день или, вернее сказать, вторая часть пути после пробуждения, оказалась не лучше первой. Глыбы, пещерные озёра, пропасти, капли воды, сырость, холод, старик, факел – пастушонок брёл следом, словно в бреду, не в силах остановиться. Через час ходьбы Оллин совершенно обессилел, голова закружилась, а в глазах появился туман. Неожиданно колени его подкосились, и он бездыханно рухнул в изнеможении на мокрый холодный камень. Последнее, что мальчик увидел, – удаляющийся свет факела.

Что может так чрезмерно надоесть или вывести из себя даже в случае с самым спокойным и сдержанным человеком? Конечно же, муха! Приставучая, кусачая, нестерпимо надоедливая муха, коих в Агурате водилось неслыханное множество. И если одни считали этот край

«страной могучих быков», то другие, больше, конечно, недоброжелатели, прозвали её «страной навозных мух». Именно такая, бесстыжая в своём нахальстве, жирная агуратская муха и облюбовала себе место для пиршества, и этим местом стало не что иное, как нос Оллина Шалтера.

Очнувшись и даже вскрикнув от жутко неприятной боли, мальчик завопил и, забыв о своём бессилии, принялся лупить кружившую над ним обидчицу, понося её на чём свет стоит:

– Ах ты тварь! Меня и за нос! Уж я тебе задам, все крылья оторву! Какая здоровенная! – сердился он.

– О, проснулся! Я-то думал, что до вечера проспишь, – послышался голос старика, сидевшего недалеко. – Напугал же ты меня, сорванец.

Не обращая внимания, мальчик поднялся, потянулся и, потрясённый, замер на месте. С небольшого пятачка, где они расположились, прямо под вершиной горы, горы чужой, мрачной и непохожей на приморские, виднелась тянувшаяся влево и вправо зловещая, унылая горная гряда. Но вся тревога сразу прошла, как только мальчуган перевёл взгляд на долину. «Зелёное море!» – подумал Оллин, дивясь необъятному простору, открывшемуся перед ним. Вдалеке извивались ниточки луговых дорог, ведшие к рассыпавшимся, словно грибы, крохотным домикам. Не то чтобы он раньше не видел подобное, он ведь жил в предгорье, но дома – это другое, дома забраться так высоко никогда не получалось, того и гляди расшибешься насмерть, а здесь, стоя под облаками, ты птицей парил над землёй. А сколько тут земли в округе: повсюду виднелись луга, рощи, холмы – такое раздолье Оллин никогда не встречал.

– Нравится? – спросил, подходя, Янумар.

– Красиво! – протяжно восхитился мальчик.

– Ты не помнишь, что вчера с тобой случилось? – с удивлением поинтересовался старик.

– Помню лишь, как мне так подурнело, что я свалился без памяти, – ответил ребёнок.

– Ну и напугал ты меня! Я обернулся, а тебя-то рядом и нет. Наперво подумал, что ты решил воротиться назад. Но почему, думаю, раньше не ушёл? Решил повернуть, прошёл шагов триста, гляжу – лежишь на камнях. Хорошо, что голову не расшиб! Ты уж прости меня старого, не подумал я о тебе! Ты вон одет совсем по-летнему, некормленый толком, да и босой к тому же – переутомился, видимо. Обещаю: впредь такого не повторится, ты уж не серчай на меня!

– Ладно… Ничего, – примирительно ухмыльнулся мальчонка. – Я уже чувствую себя хорошо, только пить очень хочется.

– Это от отвара горных трав, я поил тебя, когда ты приходил в себя, чтобы в сон проваливался глубже, да и тело отдыхало.

– Значит, я спал всё это время? – удивился пастушонок.

– Ты бредил весь в горячке, полумёртвый. Я укутал тебя потеплее и понёс на себе, медлить было никак нельзя.

– Так ты нёс меня на себе? – не поверил мальчик, глядя на маленького ссохшегося старичка.

– Да, нёс всю дорогу! Спину чуть не надломил. Ты хоть и худ, но кость у тебя, по-видимому, тяжёлая, – путники засмеялись.

– Ой, что это? – смотрел Оллин вдаль. – Вон там, слева?

– Где? А-а, это стадо.

– Стадо собак? Зачем им столько собак?

– Отчего же собак? Это вовсе не собаки – это коровы! – разъяснял Янумар.

– Ко-ро-вы? – повторил, стараясь не ошибиться, Оллин.

– Да, коровы. Как у тебя овцы, так здесь коровы. Только овца маленькая, а корова большая. Ещё увидишь.

– Так мы спустимся вниз? – обрадовался мальчик.

– Сейчас мы докончим наши припасы (от слова припасы Оллин предчувственно улыбнулся) и начнём спуск. Здесь есть тропа, она ведёт прямо к подножию…

Спуск с горы вышел не из лёгких. Заветная тропа, на которую так рассчитывал Янумар, часто преграждалась осыпями и завалами, становившимися книзу всё крупнее и крупнее, а некоторые камни достигали таких невероятных размеров, что поражённый Оллин с широко распахнутыми руками замирал, разглядывая валуны-громадины. Проворный мальчуган старался как можно быстрее перелезть через препятствие и на пару десятков шагов опередить старика, остановиться и в предвкушении посмотреть на раскинувшуюся долину.

«Вот бы увидели сводные братья, куда забрался Оллин Шалтер, вот бы обзавидовались! Оллин – царь горы, покоритель собака-коров! И эта гнусная мачеха! Взгляните-ка на меня, госпожа Эргелита, ни один ваш толстобрюхий сынок и вообразить такое не сможет!» – восхищался собой неутомимый сорванец.

Сладким напевом горного ветра мальчика манили приключения. Настроение заметно улучшилось, и он запел очень нравившуюся ему веселую застольную песню:

А ну давай-ка веселей-веселей!
Ты со мною ешь да пей! Ешь да пей!
Что нам штормы, что нам гром?
Коль сидим за столом!
А ну давайте вместе, братцы, веселей!

А ну давай-ка веселей-веселей!
Ты со мною ешь да пей! Ешь да пей!
Чарку славного вина
Выпьем, брат, с тобой до дна!
А ну давайте вместе, братцы, веселей!

А ну давай-ка веселей-веселей!
Ты со мною ешь да пей! Ешь да пей!
С грустью незачем сидеть,
Ведь нужно вместе дружно петь!
А ну давайте вместе, братцы, веселей!

А ну давай-ка веселей-веселей!
Ты со мною ешь да пей! Ешь да пей!
Мы ведь славны и дружны
И как следует храбры!
А ну давайте вместе, братцы, веселей!

Оллину вспомнились так любимые им весёлые праздники, на которых собиралось всё Угорье. Отец часто брал его с собой на общее застолье, где он с детской внимательностью слушал истории взрослых и подпевал песни, многие из которых, в чём мы могли убедиться, знал наизусть. Услышит ли он ещё раз своих земляков? Увидится ли с отцом?

Уже наступил вечер, когда голодные и уставшие путники спустились с горы. После привала, допив последнюю воду из торбы, по петляющей извилинами дороге они двинулись в глубь долины. По пути у них завязался разговор:

– Скажи, Янумар, а где это мы? – спросил Оллин.

– Раньше здесь располагались предгорные земли королевства Агуртагур – могучей и страшной империи. Ныне, если не ошибаюсь, страна эта зовётся Агурат. К ночи дойдём до тех виднеющихся домов, и, надеюсь, нас там накормят, там и заночуем. А если прогонят, то при-

дётся идти дальше, терять нам всё равно нечего, – готовя мальчика к возможным трудностям, рассказывал старик.

– Так, значит, ты раньше бывал здесь? Откуда ты узнал про путь под горами? А зачем тебе сюда идти? – весь день мучившие ребёнка вопросы обрушились бурлящим фонтаном на голову взрослого.

Но Янумару не довелось дать свои разъяснения – начавшуюся беседу приморцев оборвал заставивший обернуться пронзительный свит. В свете вечерней звезды быстрым шагом приближались два силуэта.

– Говорить буду я, а ты, коль спросят, только головою кивай, скажу, что ты немой, – неожиданно выдумал старик.

– Почему это я немой? – возмутился мальчишка. – Сам будь немым!

– Молчи! А то не сносить нам голов! – затихая, старик дернул Оллина за рукав и, уже обращаясь к приближавшимся, продолжил с лёгким поклоном: – Вечер добрый, достойные люди!

Подошедшие мужчины переглянулись, на их лицах читалось заметное разочарование.

– И тебе доброго! – отозвался один из них, более тучный.

Одежда, кое-где уже ржавеющие, потёртые лёгкие доспехи выдавали в них крайне неряшливых солдат. По одинаково глубоко посаженным тупым глазам нетрудно было догадаться, что эти двое приходились друг другу близкими родственниками. Один из них на боку нёс простецкий короткий меч, у второго висела дубина. Выглядели они, скорее, причудливо, нежели пугающе и уж тем более не угрожающе.

– Кто такие? Куда направляетесь? – резко начал худощавый.

– Ну как куда? Туда! – старик кивнул на видневшиеся дома с горящими окнами. – Чего стоять, пойдёмте вместе, а то скоро стемнеет.

Солдаты опять переглянулись. Стоявшие перед ними старик и мальчик совершенно не внушали подозрения. Долговязый кивнул, и все четверо зашагали вперёд, полностью перегородив и без того неширокую дорогу.

– Вас как звать, герои? – спросил Янумар, особо выделив последнее слово.

– Я Питр, а это мой брат Типр, – ответил полный, будучи явно склонным к разговору.

– Вы кто такие? – не унимался долговязый, давая понять, что непременно ждёт ответа.

– Мы северные бродячие, нанимаемся на работу, могём за скотиной ухаживать, могём хозяйство дворовое вести, – ответил Янумар.

– А у нас-то чего забыли?

– Говорят, здесь лучше платят.

– Да какой там! – вмешался полный Питр. – Хорошего заработка тебе, старик, здесь не сыскать, одно слово – провинция. В столицу надо! Мы вот с братишкой ещё годок здесь побалуемся и туда двинем.

– Так вы, стало быть, на службе?

– На ней самой. Охраняем окраину государства, – значимо отвечал солдат. – Это сынишка твой?

Все обратили внимание на мальчика. Если бы не темнеющее вечернее небо, то все бы увидели, как лицо Оллина стало пунцово-красным.

– Что ты, какой уж там мне. Сиротка он. С год назад нашёл его в крапиве, исхудавшего, как щепа. Думаю, потерялся, ходил у всех расспрашивал, никто его не знает. Хотел отдать в дом для безродных, так только он белёсый совсем, видать, не агуратской крови, его и не взяли, – закончил старик.

– Если белёсый, то это наверняка каскаданец. Я слыхал, у них там много девок гулящих, – подхватил Питр.

– А он сам-то чего говорит? – с интересом спросил долговязый, позабыв про подозрительность.

– У него не спросить. Он немой совсем.

– Немой?! – в один голос удивились «бравые» солдаты.

– Вот беда... – протяжно посочувствовал толстопузый. – У нас соседка жила, помнишь Типр, так тоже всё что-то мычала, ни слова не разобрать. Жалко таких.

Оллин ощутил обиду, но в то же время и облегчение, что ему не придётся разговаривать с чужими, которых, по правде сказать, он немного побаивался. Шагая рядом с Янумаром, мальчик то и дело косился на солдат. Они совершенно не походили на тех людей, что ему доводилось видеть раньше. Крупные, грубоватые, с тёмными волосами и с глазами, будто большие чёрные пуговицы.

– Так вы, стало быть, стережёте границу? – поинтересовался Янумар. По выражению его дружелюбного лица трудно понималось, то ли он шутит, то ли спрашивает всерьёз.

– То-то и оно! – подхватил Питр. – На каких широтах вдвоём управляемся! Шутка ли? За день, бывает, так находишься, что ноги просто отваливаются! Раньше здесь целый отряд располагался, но народишко в округе жадноватый, вот и пришлось нашему брату убраться в места побогаче. (Говоря откровенно, Питр значительно преувеличивал, большую часть времени они с братом проводили на лугу, где обычно спали или раздумывали, где бы разжиться чем-нибудь съестным).

– «Кормить нечем», – подумал Янумар, а вслух добавил: – А как думаете, приютят ли нас, не прогонят?

– Не боись! – успокоил его улыбчивый солдат. – Хозяин хоть и скряга страшный, но звонкую монету любит больше жизни. Ты не пустой?

– Есть медяки.

– Сойдёт! Если что, мы заступимся, – заверил Питр. От его слов молчавший Типр издал сомнительное «Хех»: – Ну чего ты?

– Чего-чего? Заступится он! Кто бы за тебя заступился! Того и гляди сообщит, кому следует.

– Да и пусть сообщает! – раздражённо воскликнул толстяк. – Я его не боюсь!

– А тебе и не его нужно бояться, глупый дурень! – пришла очередь переглянуться друг с другом и Янумара с Оллином.

Всё небо усеяли яркие бесчисленные звёзды, когда пешие подошли к одному из самых больших домов в округе. Как и все здешние постройки, он возвышался грубо и неряшливо, в темноте больше походя на чёрный холм, нежели на жильё. Вдалеке то и дело слышались непонятные, протяжные, ни на что не похожие звуки. Оллин насторожился.

– Это мычат коровы, не бойся, – полушёпотом обратился к нему старик, заметив его испуг.

Первыми, как выразился Питр, «прощупать почву» пошли братья. На самом же деле им попросту не хотелось извиняться, а возможно и умолять хозяина дома о прощении, в присутствии старика и мальчика. А всё дело в том, что утром этого же дня они утащили гуся со скотного двора. Солдаты не впервые промышляли мелкими кражами, но всё больше у соседей, да и за руку их никто не ловил, а тут, как назло, невольным свидетелем стала малолетняя племянница хозяина, рассказавшая дяде о случившемся. Рассвирепевший хозяин, в Агурате были скоры на расправу, повсюду рыскал, ища служивых пройдох, тем временем жаривших в овраге рокового гуся. Там-то их и настиг длинный хозяйский кнут. Но в силу своей молодости, а возможно и от страху, воришкам удалось удрать, и потом они весь день голодными слонялись по окрестностям.

Янумар и Оллин стояли довольно долго, вслушиваясь в ужасную брань, доносившуюся из дома, пару раз даже билась какая-то утварь. После чего всё смолкло и на улицу радостный, но очень покрасневший выбежал Питр.

– Старик, всё вышло как нельзя лучше. Давай свои медяки!

Янумар заметно заколебался.

– Да не боись!

Немного робея, он всё же протянул добрую жменю монет.

– О-о, другое дело. Неплохо! Ещё и накормит. Есть-то хотите?

– И есть, и пить! Нам бы и обмыться с дороги, – с жалостью попросил Янумар.

– Этого не обещаю. Медяки всё-таки, – пожал плечами солдат и, смешно переваливаясь с ноги на ногу, заторопился в дом.

Вскоре на пороге появились герои-воришки. Неулыбчивый Типр нёс корытце с водой, а краснощёкий Питр – здоровенный поднос с едой, накрытой белым полотенцем.

Не будем утомлять читателя подробностями произошедшего далее, скажем лишь, что странствующие приморцы обмылись, правда, в холодной воде, а после уселись на сеновале и как следует отужинали. Новые знакомые находились тут же, их, в наказание, хозяин не пустил ночевать к себе, а погнал спать вместе с пришлыми на сеновал. Этой новости больше всех огорчился Оллин, ему до ужаса надоело прикидываться немым.

За упомянутое время ничего особенного не случилось, кроме совсем короткого разговора, начатого, как бы невзначай, Янумаром.

– А вы ведь, молодчики, образованные, верно? – поинтересовался старик, когда все четверо, наевшись, расположились на мягком душистом сене. Время перевалило за полночь, понемногу клонило в сон.

– А то! Папаша до своей кончины целых три года таскал нас по разным чернокнижникам, – позёвывая, ответил Типр, стараясь поуютнее разместиться.

– Два с половиной! – поправил его Питр. В отличие от брата ему совершенно не хотелось спать. – А тебе для чего?

– Я мало чего видел, да и с грамотными не доводилось дело иметь. А тут вот думаю, не расскажут ли бесстрашные герои о мире. Ведь я отродясь, кроме коровников, ничего не знал. Да и мальчонка послушает.

– Это можно! Кое-что я помню. Не, ну свитки наизусть не расскажу, ну а если своими словами, то можно, – деловито заверил Питр, Типр уже спал. – Ну что рассказать, про нашу сторону ты и сам наверняка всё знаешь, а у соседей я давно не бывал. Слышал, что сейчас вся сила у Эллохонского императора.

– Эллохонского? А где это? – приподнялся старик.

– Восточнее Юрендельских земель. Эти эллохонцы, – тут солдат заговорил шёпотом, – хоть нам вроде как и союзники, но, честно тебе скажу, прескверные ребята, того и гляди воткнут нож в спину – так все говорят.

– А Юрендел – это город?

– Чего? Юрендел – это город всех городов! Мощь! Там-то я бывал, знаю, о чём говорю. Папаша малолетними брал нас проводить его в поход, там и оставил. Король тогда ещё сильно занемог, а папаша и вовсе сгинул. Худая история… Ну а супротив Эллоха – Каскадан. Там, говорят, тепло круглый год, море и солнце греет, много фруктов, пышногрудые девы.

– А ещё? – допытывался старик.

– Ну чего ещё? – раздражённо спросил отвлечённый от мечтаний Питр. – На севере – Тундрия, на юге – Каскадан, под боком – Берянские пашни, а на востоке Эллох. Всё, что я знаю.

– А Салсалария? – не удержавшись, спросил собеседника Янумар.

– Какая ещё… а-а-а, понял тебя. Давно пала, там тоже худая история, века уж прошли. Давай спать! Завтра ещё этот старый хрыч полдня будет в обидах ходить, того и гляди не позавтракаем.

– Доброй ночи, спасибо тебе за рассказ.

– Угу, – лишь отозвался толстяк.

Едва рассвело, наша парочка двинулась в путь. Приморцы, по обыкновению, ушли, не простившись, покуда «отважные» братья ещё спали крепким молодецким сном, пугая жителей сарая крепким, забористым храпом.

Выйдя на окраину, путники вновь зашагали по укатанной телегами извилистой дороге, уходившей из долины. В это утро Оллин впервые увидел коров. Никаких особенных впечатлений они у него не вызвали, даже, наоборот, показались ему какими-то глупыми и безобразно крупными. А вот вид быков произвёл незабываемое ощущение опасности.

– Гора с рогами, – воскликнул он.

– Очень давно они вырастали ещё огромнее, – подлил масла в огонь детской впечатлительности Янумар.

Шли дни… Мальчик и старик всё глубже уходили в земли агуратского царства. Ночевали, где придётся, пару раз снимали угол в старых тавернах, другой раз заночевали в прилеске, в третий – в поле в стогу сена. Оллину очень нравилась такая жизнь, каждый день таил новые впечатления и картины, правда, порой очень не хотелось идти, болели непривыкшие ноги. Подобной красоты мальчик никогда не встречал. Вся округа представляла собой сплошные бархатные луга, спускавшиеся по всем сторонам холмов и возвышений. Травы, колышущиеся от дуновений ветра, казались морскими волнами. Воздух был более сухим, после полудня даже раскалённым. Наступала ужасная жара, но идти всё равно приходилось, старик всё время твердил, что непременно надо торопиться и на десятый день добраться до окрестностей каких-то там ключей.

Постройки не походили на домашние, здесь они казались какими-то грубыми, угловатыми. Ни тебе красиво отшлифованного камня, ни красивого крылечка. Конечно, все выложены из добротного камня, этажа в три, а то и в четыре. Имелись совсем небольшие окошки, часто без стёкол, которые закрывались деревянными ставнями. Крыши же устилала часто поросшая мхом глиняная черепица.

Старик понемногу обучал сорванца письму и словочтению, что, говоря откровенно, давалось ему с трудом, но мальчуган старался проявлять упорство. Если с грамотой дела обстояли сносно, то с пониманием некоторых вещей, не единожды объяснённых, положение оставалось плачевным. Во-первых, пастушонок совершенно не понимал, почему им за какие-то маленькие кругляшки дают кров, еду и заискивающе улыбаются. Одну из монет, не медную, серебряную, старик подарил Олину. Тот долго разглядывал её, пристально всматриваясь в отпечатанную рогатую бычью голову, силясь понять смысл так всем нужного предмета. Во-вторых, почему все дни дороги, особенно после гор, приходится избегать встречи с местным пастушьим народом? А ещё раз увидеть новых людей мальчику ой как хотелось.

– Мы ведь не скверные люди, чего нам бояться? – в минуты спора доказывал мальчик. Очень ему хотелось посетить какой-нибудь бычий городишко.

– Это опасно. Мы здесь чужаки! Нам нельзя подолгу останавливаться, – отвечал старик и во многом был прав.

Здешние жители совсем не походили на приморцев, даже представлялись немного страшноватыми, особенно мужчины: все плечистые, волосатые, роста немалого, и все как один таскали с собой оружие – то ножик, то кинжал, а иной встречался и с дубиной. Разговаривали так громко, что и понять нельзя: то ли бранятся, то ли ведут обычную житейскую беседу.

Минуло пять лун пути, покуда из-за невысокого холма открылись Бартурские ключи. Наконец-то Оллин понял, что старик имел в виду под этими «ключами». Это текли обычные родники, из которых подземные воды пробивались наружу сквозь толщу земли, но насчитывалось их не один десяток, вся долина была усеяна ими. Отовсюду к ним тянулись длинные людские очереди с разными сосудами и бутылями, одни стояли с кувшинами, а другие так и вовсе катили бочки. Считалось, что здешняя вода целебна и помогает от разных недугов.

– Пока мы остановимся здесь. Ты глянь, сколько народу-то! – обратился Янумар к мальчику. С пригорка, куда они забрались, вся долина расстилалась как на ладони. – Только я тебя попрошу больше глядеть в другую сторону, на север. Как только увидишь, что с того края кто-то приближается – хоть кто, животина, а в особенности человек, сразу же дай мне знать. Да не прозевай! Это очень важно, Оллин.

– Обещаю! Ни одна мышь не проскочит! – щурясь от солнца, уверил пастушонок, невольно не отрывая глаз от долины.

Тундрия

Тундрия – «Земля мёртвого солнца», как прозвали её в Агурате, распростёрлась на верхнем отшибе земель, покрывая мшистым саваном обширные территории, начинающиеся от северных границ Агурата и доходившие аж до Хрустальных льдов. Упоминаний об этом суровом крае нашлось немного, лишь в бытописных очерках того же Агурата отыскались предупреждающие пометки о северной земле: «О просторах этих могу отозваться, как о месте скудном и гибельном, где не растут привычные взору травы, и всякая скотина падёт от невыносимого холода и малой растительности. Недра сии бедны на золотые жилы и прекрасные самоцветы, ценен лишь мех местной живности, охота на которую осложняется нечеловеческим морозом, а летом не имеющими числа ползучими гадами…

Тундрийца редко можно увидеть за пределами своих земель. Лишь раз в году мужчины-северяне появляются в наших окраинных городах, дабы выменять пушнину на муку, соль, мёд и оружие. Приходят мужи крепкие, но дикие, облаченные с ног до головы в волчьи да оленьи шкуры, с рисунками по всему лицу и телу. Держатся вместе и всячески сторонятся разговора. Обмен совершают, не торгуясь, всё поглядывая по сторонам, словно звери, а между собой общаются жестами.

Ежегодно повторяющееся хождение собирает торговцев со всего Агурата, да и с соседних земель съезжаются сюда в надежде обогатиться. Со временем охочих поживиться пушниной развелось такое множество, что стали случаться нешуточные свары, приводившие к поджогам и кровавым схваткам меж торгашами. На тундрийский мех, в особенности на мех белого песца, при грамотном торге можно выменять целое состояние, но слабоумных дикарей золото никогда не интересовало.

Народ, населяющий эту страну, впору своей дикости, никогда не узнает ни героических войн, ни великих свершений, потому как это всё им несвойственно и прельщает их жизнь в диких скитаниях.

Народ Агуртагуров, словно старший брат, не единожды пытался вразумить дикого соседа и вывести его на свет. Но все попытки оказались тщетными: как дикие звери боятся людского огня, так и глупые народы отторгаются, как тающий лёд на озере, от течения народов Черноземья».

А вот в библиотеке Каскадана хранятся более подробные описания под авторством Первого магистра-основателя Дардана:

«Тундрийцы, или Тундрианцы, селившиеся на своих землях с незапамятных времён, на мой взгляд, – самый нелюдимый народ правобережья, крайне дорожащий своими обычаями и обособленностью, считающий нравы Черноземья слабыми и разрушающими дух.

Если слушать жителей Агуртагура, то о северянах может сложиться совершенно ошибочное впечатление. Якобы они дикие и грубые во всех пониманиях благоразумного человека. Веря больше своим глазам, поклянусь, что это вовсе не так. Необъяснимая неприязнь заставляет «бычий» народ клеветать, разнося непотребные слухи, на своего соседа. Я не могу назвать тундрийцев приветливыми, но и прозвание «дикари», данное им «пастухами», не подтвердилось, а мне довелось пройти половину Тундрии, побывать в городах Орнинлунге, что близ границы с Агуртагуровым царством, и Ледарунге – в сердце белой земли.

И вот что я приметил. Домов, как у каскаданского человека, северный народ не имеет, предпочитая ютиться в жилищах из оленьих шкур – ярангах, реже в пещерах. У одной семьи стоит от трёх до пяти яранг. Семьи объединяются в кланы, кланы, в свою очередь, в кочующие чалы. Чалы редко размещаются на стоянки близ границ с Агуртагуром, несмотря на то, что места эти богаты зверем и древесиной. Причиной тому – постоянные набеги военных отрядов

соседнего царства, оттесняющие северян всё выше, где сама зима останавливает рогатое нашествие неприятеля.

В одном чале насчитывается от двухсот до трёхсот человек, хотя старики утверждают, что раньше чалы в тысячу душ считались малыми. В нем главенствует вожак. В его власти решать житейские вопросы, споры, договариваться о браке с чужими семьями, объявлять войны и многое другое. Каждый охотник вправе вызвать вожака на поединок, дабы занять его место, но только при условии согласия большинства мужей.

Мужчины же, в большинстве своём, – воины отважные и ловкие, но ратной выучки слабой, в сражениях больше берут напором и жестокостью. Превосходно управляются с луком, ножом и способны попасть в бегущего сотни за две шагов.

В охоте тундрийцам нет равных: при необходимости они могут с голыми руками пойти на зверя любой свирепости. Такого бесстрашия, на грани с безумием, мне не доводилось видеть нигде, будто мутится их рассудок и что-то дикое и первозданное просыпается в их разуме. Неспособные обуздать охотничий азарт, они целиком отдаются страсти, будто в этом и заключен смысл их жизни.

Женщины-тундрийки особой красотой не обладают, но нрава дерзкого, крепкие. Занимаются детьми, хозяйством, пасут оленьи стада, мужьям не перечат. Охотник вправе содержать до семи жён, если прокормит.

В чём ещё тундрианцы были большие мастера, так это в накожных рисунках. Для каскаданца, верного старым традициям, подобное покажется полнейшим бесчестием, но здесь такие устои сложились с давних пор. Осквернение кожи у северян в большом почёте, и даже на теле неокрепших детей можно разглядеть диковинные узоры. Используя тончайшие косточки и чернила из тундрийских трав с ягодным соком, северные люди украшают лица, руки и тело. Причём не все рисунки разрешены: одни предназначены лишь для зрелых мужей, другие – только для женщин, а третьи позволяют наносить только после удачной одиночной охоты на определённого зверя.

В чалах мало кто знает о прошлой жизни своего народа. Письма как такового никогда не водилось. События древности передаются песнями и пересказами, которые с каждым разом обретают новые краски. Некоторые моменты и вовсе забываются. Каждый ребёнок чала, греясь у семейного костра в яранге отца своего, с упованием слушает рассказы о старых битвах и былом величии своих предков. С малых лет охотясь, дети севера познают цену жизни и с разбавленным кровью зверя материнским молоком постигают цену смерти. «Рождай смерть во имя жизни!» – призывает древний северный закон»…»

Рассказ одноухого Чито – охотника из чала близ замёрзшего озера:

«Однажды в местечке Бычий Хвост бравые ребята из местных, чьи юношеские лица совсем недавно покрылись первым предбородным пушком, на потеху толпе решили показать свою молодецкую удаль и затеяли ссору с нами, пришлыми охотниками.

Нариз, главарь зачинщиков, здоровяк, каких ещё свет не видывал, подойдя к закутанному в волчьи шкуры, толкнул его в бок и громко выкрикнул:

– Куда прёшь, собачий сын?!

Наш брат, обернувшись, бросил на зарвавшегося наглеца ястребиный взгляд. И впору бы умному отступить, читая в глазах противника ярость и звериную силу, но Нариз-детина был не из тех, кто понимал нутро по взгляду. Отвернувшегося «волка» он толкнул дважды:

– Ты что оглох, волчья морда?! – толпа замерла, подобное происходило нечасто, а, возможно, на веку ныне живущих и вообще никогда не случалось.

Нариз, ждавший действий, сдвинув брови, держал ладонь на рукояти огромной дубины. Но всё произошло быстрее, чем он ожидал. Он лишь увидел скользящее движение чего-то блестящего и попытался увернуться. Так и рухнул на землю с торчащим изо лба топориком.

Волк мастерски отвлёк внимание глупца и, резко развернувшись и поменяв направление, вонзил острый край второго топора прямо между глаз обидчика.

Толпа ахнула! По законам Агурата, запрещающим смертоубийство, тундрианца ждала неминуемая смерть. Но этого не случилось, глава Бычьего Хвоста, несмотря на бурное негодование селян, дал нам уйти безнаказанно. Он, в отличие от многих, понимал: «Охотники дают заработок торговому люду, а те платят за постой, вино и развлечения! Не придут с севера – не поедят и наши дети».

В момент нашего повествования мало что поменялось в жизни неприхотливых тундрийцев. Всё также их замёрзшие сердца ждали тепла короткой весны, а обветренные лица – скудного лучика северного солнца. Всё также закутанные тундрийки гнали оленьи стада, старшие дети приглядывали за младшими, а мужчины, как сотни лет назад, охотились.

Рассказ старого Качо, который слышал его от своего деда Бенрира, а тот – от своего деда, чьё имя в чале все уже давно забыли.

– Раньше что? Раньше – это ни то, что сейчас. Тьфу! Вот раньше было так было! Раньше вожаки наших чалов могли в жены взять любую агуратскую девку!

– Да не бреши ты, дед! – возмутилась юная Хулуна. – Если мы молодые, так нас такой брехнёю можно угощать!?

– Вот дура! Я ж тебе говорю: мой дед рассказывал, а ему – его дед…

– Ладно-ладно, бреши дальше, все знают, что у тебя складно выходит.

– Не нравится – не слушай! Иди вон лучше собак накорми…

– Да продолжай ты уже! – накинулись трое молодых девушек на старика Качо.

– Так не перебивайте тогда! Был когда-то у нас царь тундрийский. Ни какой-то там князёк пещерный, а настоящий, вельможный, умный, исходивший Двубрежье и вдоль и поперёк. А какой был сильный, какой ловкий…

– Это ты про Альхена Храброго Объединителя?

– Да про него, про него! А знаете ли вы, что одна из его жён была знатная агуратская девка? – решил не упустить интригу дед Качо.

– Да ладно!? – ахнули впечатлительные девицы.

– Да упасть мне в реку на морозе! Привёл он её после Великой войны, всю чернявую: волосы, брови – как средина волчьего глаза. Ничего не умела делать: ни оленя загнать, ни зверя разделать – бесполезная баба. Зато какая красивая была… Мой прапрадед её видел – глаз не отвести!

– И что же, она осталась жить с ним в чале?

– Да какой тебе чал! Девка важная была, агуратских кровей знатных. Целый город ради неё построил наш достойный король-объединитель.

– Да иди ты! Ледорунг что ли? – открыла рот поражённая Хулуна.

– В самый глаз! Друзья царские, пришлые из-за Эридана, помогли ему найти пещеры, древнее, чем любая гора в Черноземье. Раскопали их, глядят, а там тёплые воды под самой землёй. Вот владыка Альхен и решил связать все пещеры новыми ходами, а старые – облагородить и укрепить. Там и поныне тепло, как весною.

– Брешет проклятый! – будто очнувшись вскричала Хулуна. – Вот я твоей бабке расскажу, что шляешься ты по чужим ярангам и болтаешь глупости несусветные! «Тепло, как весною!»

– Вот я тебе уже говорил сегодня, Хулуна, но ещё раз скажу: дура ты, и ходить тебе вечно в девках! – сказав эти слова, старый Качо поспешил удалиться, покуда возмущение обиженной не перевоплотились в тумаки и затрещины.

Глава 2

Как же красиво зеленеет Тундрия летом! Как девица, ушедшая от строгих родителей, снимает чёрные одежды, так и северная земля скидывает с себя ненавистные снега, выставляя к солнцу своё бледное, но красивое лицо.

Безоблачный летний день приближался к полудню. В этих краях солнце никогда не обжигало, даже сейчас, в конце самого тёплого месяца, оно грело сдержанно и приятно. Взору открывалась пышущая жизнью красота бескрайних суровых просторов, скинувших с себя снежные оковы. Все немногочисленные создания в округе, от гордого кочующего оленя до крохотной мошки, поддавшись общему ликованию, горели одним лишь желанием – выкормить жизнь. Пройдёт ещё несколько десятков дней, и землю снова окутает снежная пустыня, но сейчас мир расцветал, впитывая тёплые лучики.

Тем временем маленький солнечный зайчик, неожиданно появившийся на стене яранги, чуть подрожав, нерешительно замер в полумраке. Скользнув сначала вправо, потом влево, он в мгновение очутился на полу и решительно пополз к наваленным в углу оленьим шкурам, где после удачной охоты спал молодой Фенрир. Солнечный зверёк, сопровождаемый милым детским хихиканьем, полз по куче шкур, ища красивое обветренное лицо охотника.

Это шалили Мира и Алата – маленькие дочери старшего брата Фенрира – Кагата. Мира – большая, характером непокорным, точь-в-точь походила на бездетного дядю, отчего наиболее болтливые разносили непотребные сплетни, прекратившиеся вместе со взрослением девочки, как две капли воды похожей на Кагата.

Алата же – меньшая, копия своей матери Тиры, кроткая и покорная. Часто ведомая старшей сестрой-непоседой, она попадала в нехорошие для детей ситуации, за что и получала от матери. Тира, хоть и на вид хрупкая, а по меркам тундрианцев даже слабая, но рука её раздавала очень недурные затрещины. Алата в такие моменты сильно обижалась на маму, а особенно на сестру, но это длилось недолго, и вот они уже снова спешили то выпустить оленей из загона, то привязать собак друг к другу хвостами, то обмануть одноногого старого соседа, будто его призывает к себе вожак. Бедняга тогда так разволновался, даже разоделся в новые шкуры. Каково же было его удивление, когда он узнал, что вожака нет уже как пару дней. С того случая глупые острословы, языки без костей, смеялись над дедом, мол, он к молодой жене вожака ходил тайком. За это особенно крепко оттаскала мать девочек за толстые косы.

Вот и сейчас Мира придумала зеркальцем (сам Фенрир принёс его ей, когда ходил выменивать шкуры) подшутить над спящим дядей. Девочки очень любили его, он всегда потакал им во всех затеях и был единственным, кто общался с ними, как со взрослыми.

– Р-р-р-р-р!!! – неожиданно, словно зверь, зарычал Фенрир и, вскочив на ноги, в одной поясной повязке бросился на спрятавшихся за входной занавеской девочек. – А-а-а-а-а!!! – кричал охотник, выбегая наружу, преследуя визжащих племянниц.

– Ты своей наготой распугаешь всех тварей в округе! – раздался знакомый голос подходящего Кагата.

– Пугать уже некого, когда тебя младенцем вынесли из яранги, все звери разбежались от страха! – улыбаясь, отозвался острый на язык Фенрир.

Братья крепко обнялись. В последнее время Фенриру приходилось охотиться на дальних границах, они подолгу не видели друг друга, тягостная разлука давалась тяжело. Особенно трудно расставание переносил Кагат. Будучи далеко от дома, он чувствовал нестерпимую тоску по младшему брату, не раз ловя себя на мысли, что о жене и дочках вспоминает реже.

От рождения ему исполнилось десять вёсен, Фенриру тогда было всего три, когда на их родной чал напали посреди ночи, перерезали всех, не пощадили ни женщин, ни детей. В живых

остались лишь трое ребятишек, закопавшись в снег, они переждали бойню. С того времени чувство ответственности за младшего брата никогда не покидало сердце охотника.

– Одевайся, нас призвал к себе Тагар, – оповестил брата Кагат.

– Ууу! Он опять нашёл мне невесту? Надеюсь, эта-то хоть будет без усов?

– Неблагодарный, она родом из хорошей семьи! – смеясь, Кагат погрозил кулаком вслед уходившему наглецу.

К слову, вожак не раз стремился женить не только Фенрира, но и старшему брату подыскивал вторую партию, в его возрасте мужчины Тундрии имели уже двух-трёх жён. Но о подобном Кагат не мог и помыслить, он всем сердцем любил только одну – свою маленькую Тиру.

Общие черты лица даже незнающему показывали их родство. Хоть Кагат, по сравнению с младшим братом, и не блистал внешностью, всё же был далеко не дурён собой. Он был почти на две головы ниже, приземистый и крепкий. Имел чёрные волосы, очень редкие для этих русых северных мест, и такую же бороду. Глаза его, тёмно-серые, смотрели прямо, порой даже с тоской. Кагата рано тронула седина, упав ему на виски.

В нём во всём проглядывалась основательность и серьёзность. Он заметно меньше смеялся, да и говорил мало, отчего среди малознакомых прослыл молчуном. При этом очень неплохо ладил со всеми, все уважали его за твёрдость и рассудительность.

С чужими жёнами он, один из немногих, никогда не был замечен, да и его Тира от него никогда не гуляла.

Его способность со всеми жить в ладу часто и вожаку Тагару оказывала хорошую услугу. Многие не без причины называли Кагата «правой дланью чала», что в глубине души ему льстило.

Что же касается Фенрира, то в свои двадцать три весны он наотрез отказывался сочетаться, хотя охочих находилось немало. Ко всем достоинствам искусного охотника и молодому возрасту прибавлялась безупречная внешность. Тундриец вышел высок, широк в плечах и узок в талии. Густые русые волосы, спускавшиеся до самых плеч, будто грива льва, обвивали голову красавца. Маленькая, по сравнению с туловищем, голова, была посажена на мощную шею, а тёмная короткая борода цвета оттаявшей весенней земли сулила женщинам тепло и заботу. Жилистое тело, сплошь покрытое накожными рисунками, придавало ему неукротимую дикость. Немало дочерей соседних чалов мечтали связать с ним руки в клятве вечной любви. Находились девы и из семей городских кланов. Но завидный жених всеми правдами и неправдами не брал в жёны предложенных ему девушек, ставя в неловкое положение их отцов и своего вожака. Именно поэтому в последнее время Тагар особо не настаивал на свадьбе, боясь окончательно испортить отношения со всеми значимыми семьями. Здесь замешивалось не только желание выгодного брака, к братьям Тагар относился не просто с уважением, а с отеческой любовью, ведь именно он был тем третьим ребёнком, выжившим в кровавой резне их родного чала.

Четырнадцатилетнему юнцу пришлось заботиться о маленьких Фенрире и Кагате. Тогда на долю детей выпало немало испытаний – от голодных скитаний по заснеженной пустоши до жестокости нравов приютившего их чала, но это уже другая история. Теперь Тагар – вожак, а братья – его верная опора, и потому он мог многое им простить, а уж недостаток жён и подавно.

Фенрир не заставил себя долго ждать и через минуту появился одетый в штаны из оленей шкуры и в такие же кожаные сапоги, перетянутые сплетённой верёвкой, наверх накинул свободную льняную рубаху.

По дороге к вожаку братьям встречалось много людей: повсюду бегали полуголые детишки, сновали женщины, хлопочущие по хозяйству, стоял запах сырого мяса и крови. Чал готовился к ежегодному празднику «криволесья», взявшему своё название от небольших деревьев на южной стороне Тундрии, с весной открывавших свою изогнутость, полученную под тяжестью снега и свирепствующих ветров.

Некоторые удостаивали приветственного кивка только Кагата, показательно игнорируя младшего брата. Подобное происходило по причине заметной внешности Фенрира, который часто приманивал к себе взгляды замужних женщин, к тому же многие из них не противились тайком упасть в его крепкие объятия, чем, надо признаться, порою не брезговал и сам привлекавший внимание. Так что отдельные мужчины чала своими «оленьими рогами» обязаны были именно молодому охотнику. Ласковым женским взглядам, наполненным тайным желанием, противостояла нескрываемая мужская ненависть, постоянно подпитываемая неисчерпаемой ревностью.

В нынешнее время Фенрир вёл себя более рассудительно, по сравнению с ранней молодостью. Здесь, конечно, не обошлось без особого влияния старшего брата: Кагат как мог сглаживал острые края необдуманных поступков юноши, пытаясь его вразумить. Со временем Фенрир с головой окунулся в охоту, с каждой новой весной оттачивая свой врожденный дар промысла. За несколько лет он стал первым добытчиком пушнины в своём чале и оттого прослыл довольно состоятельным, по меркам тундрийцев, женихом. Но, рано осознавший своё влияние на женщин, он никак не мог отыскать ту единственную, которая завладела бы его мятежным сердцем.

– Вожак, они пришли! – заглянув внутрь занавески, заменявшей дверь, оповестил охранник. – Входите! – обратился он к братьям.

На правах старшего, пригнув голову, первым вошёл Кагат. Вожак Тагар сидел на дальней стороне большого овального яранга, сплошь устланного мягкими белоснежными шкурами, на громоздком деревянном кресле со спинкой, поднимавшейся до самого потолка. Призванные подошли ближе и низко поклонились, выставляя вперёд руки ладонями кверху, что по местным обычаям значило – мы безоружны. Вожак кивком головы ответил на поклоны, продолжая смотреть в одну точку. Охватившая Тагара задумчивость насторожила внимательного Кагата, в лице старого друга проглядывалась тревожная озабоченность.

Крепкий телом и хитрый умом, Тагар за многие годы добился большого уважения в неродном для него чале, а стать вожаком, по законам того времени, казалось практически невозможным, но ему удалось.

– Братья мои, – начал он, прервав свои мысли, – пусть наш разговор, независимо от принятых решений, останется в тайне.

Охотники переглянусь. Первым отозвался Кагат:

– Да будет отрезан мой язык, если я поведаю об услышанном здесь кому бы то ни было. Клянусь огнём костра моей яранги!

– И в том же я клянусь, вожак! – повторил Фенрир, прикасаясь правой рукой к сердцу.

Вожак одобрительно кивнул и, обернувшись, окликнул:

– Входи!

Одна из висящих на стене шкур задрожала, и из-за неё вышел высокий худощавый старец. Приближаясь, он ощупывал перед собой пол длинным деревянным посохом с невиданным двугорбым животным на верхушке. Подойдя к братьям, он уставил на них свои мутно-белые глаза.

– Этот слепой старик – лекарь и советник князя из Ледорунга, он пришёл к нам по важному делу, – представил гостя Тагар.

Не обращая внимания на слова, старик будто «рассматривал» стоящих перед ним. От его седого и чрезмерно худого вида всем как-то стало не по себе, будто что-то тяжёлое и неприятное источало его дряхлое высохшее тело. Медленно повернув голову в сторону вожака, слепой одобрительно прохрипел беззубым ртом:

– Славные воины.

– Лучших охотников не сыскать во всей Тундрии, даже крайние чалы не сравнятся с ними в мастерстве и силе! – расхваливал земляков вожак.

– Вожак Тагар, мы ведь не олени на продаже, скажи, зачем ты призвал нас к себе? – не выдержав, произнёс Фенрир, видя в сложившейся ситуации оскорбление.

– Терпение, юный волк, терпение и смирение, – прохрипел незрячий. От этих слов Фенрир вздрогнул, на миг ему почувствовалось, что его «видят» насквозь. – Сядем, впереди у нас долгий разговор.

Братья уселись на мягкие шкуры, вопросительно поглядывая на Тагара. Тот делал вид, что не замечает взглядов, и смотрел лишь на старца.

– Во времена, когда ветра выли ещё свирепее, а воды Эридана не заволокло туманом, – начал советник, – наш народ был особо многочисленным и крепким. А объединила его твёрдая длань правителя земель тундрийских – рука Альхена Храброго! Но мало кто знает, что перед тем, как возглавить наш народ, Альхен не раз пытался сместить вожака своего чала. Потерпев очередную неудачу, он покинул родной край и отправился на юг. Шли годы, воспоминания о нём уж стёрлись из памяти соплеменников, как однажды, по прошествии десяти лет, Альхен вернулся. Вернулся уже не заносчивый мальчишка, а суровый, закалённый южными боями, смелый и храбрый предводитель. Пришёл он во главе отряда воинов, доселе невиданных в северных землях, и, собрав под свои знамёна мужей наших, отправился на юг, навстречу смертельной войне. Многие сыны севера не возвратились тогда домой, своими телами преградив путь расползающейся рогатой тьме.

По возвращении Храброго Альхена на совете чалов избрали первым владыкой Тундрии, в честь чего основали первый город Ледорунг, что с забытого языка означает «ледяная гора». В чертогах этой горы Альхеном и его союзниками с юга произнеслась ледяная клятва, в которой каждый обещал помощь другу в трудную минуту…

– Хорошая сказка. Расскажу её племянницам перед сном, – с нескрываемой язвительностью перебил Фенрир. Ему очень не терпелось покинуть общество этого странного старика.

– Два дня назад в город прилетела птица, – продолжил слепец, – птица, коей наша сторона со дня появления не видывала и коей впору сгинуть от холодного тундрийского неба, но она долетела, принеся в маленьких лапках письмо. В письме том на забытом наречии начертано следующее: «Пусть великий народ славного Альхена исполнит ледяную клятву, скреплённую рукопожатием праотцов, оплатит долг верности и священной чести, смоет позор предательства. Отпусти сыновей севера, дай им стать опорой в борьбе с грядущими бедами! Я буду ждать их с пришествием холодноветрия на холмах вокруг Бартурских ключей… Я всё знаю, они живы, я чувствую это, я до сих пор всё чувствую! Старик Янумар», – слепец почему-то окончил пересказ словами «…близ Бартурских ключей… …старик Янумар», умолчав некоторые строки письма.

– И что это значит? – уже с неподдельным интересом спросил Фенрир.

Кагат осуждающе посмотрел на брата, хотя и сам мало что понимал, но у него всё же хватало ума держать язык за зубами и не перебивать.

– Советник князя пришёл передать нам его волю: он желает, чтобы вы вдвоём отправились на юг, в самое сердце пастушьих земель, сдержали ледяную клятву нашего народа и увиделись с написавшим это письмо. Взамен он обещает нашему чалу четыре весны охотиться в его землях без уплаты подати шкурами, а ваша семья получит зерна на два года вперёд, – пояснил Тагар, глядя на слепого. Тот одобрительно качал головой.

В яранге все замолкли. Фенрир, ещё полностью не осознав серьёзности вопроса, с недоумением косился на брата, он думал, что это всего лишь какая-то неудачная, глупая шутка. Кагат же рылся в памяти, пытаясь отыскать истинную причину происходящего.

– Знайте, путешествие будет не из лёгких, – нарушил молчание старик, – не буду препираться, эта затея опасна и требует ночной скрытности. Все мы знаем нравы нашего соседа. Но будьте уверены, если согласитесь, сумеете открыть многие тайны вашего рода, а возможно, навсегда измените свою судьбу.

Охотники переглянулись. Эта рана под покровом долгого молчания давно затянулась, и вот сейчас, по прошествии не одного десятка лет, что-то давно забытое, неприятное, тягостное выплёскивалось с новой взрослой силой, пробивая корку ледяного наста памяти.

– Почему князь выбрал нас? Неужели среди охотников города не нашлось более достойных? – спросил Кагат. – И при чём тут наш погибший чал?

– Ответы на твои вопросы, Кагат, спрятаны далеко на юге. Лишь там ты сможешь разогнать туман неведенья, – уклончиво ответил старик.

Все догадывались, что слепой явно чего-то недоговаривает, что он знает больше, чем рассказывает. Настороженный Кагат твёрдо решил не соглашаться на поход, а если и принять предложение, то только после того, как выведает все сведения об этом деле. Сейчас он убедился лишь в одном: Тагар, как и он с братом, ничего об этом не знает. Но случилось то, чего охотник не смог предугадать.

– Я согласен отправиться на юг! – почти крикнул Фенрир, вставая на ноги и не отрываясь глядя на советника князя. – Но учти, старик, если мой брат не согласится, то обещанное останется неизменным!

– Это твоё окончательное решение, юный волк?

– Да. Его я не переменю, будь уверен! – отрезал охотник.

Кагат молчал, на мгновение растерявшись. Но вскоре он возобладал над собой, хорошо зная своего младшего брата, решил на людях с ним не спорить.

– А ты, Кагат, какое принял решение? Ты ведь не отпустишь брата одного? – спросил старец. Слова эти он произнёс совершенно бесхитростно, но Кагату они пришлись не по душе, он увидел в них насмешку над его положением. – Твоё право не следовать за братом. Но, думаю, вдвоём вам будет спокойнее.

– Я подумаю…

Назад возвращались молча, каждый обдумывал произошедшее.

Кагат полагал, что причина кроется вовсе не в какой-то тысячелетней клятве, что это всего лишь ехидный повод отослать их с братом как можно дальше, но почему, он не мог понять. В последнее время не произошло ни одного случая, дающего повод усомниться в их преданности вожаку. Да и до этого они всегда выказывали полное согласие с Тагаром и с городскими кланами. Неужели обида крылась в бездумных любовных похождениях Фенрира, но ведь Тагар никогда не вмешивался в глупые свары, да и младший брат теперь вёл себя куда приличнее. Начался сезон охоты, сейчас было не до этого. Кагат не мог поверить, что его старый друг готов так легко отпустить их от себя. Что же такого наплёл ему этот слепой старик? Быть может, он оболгал их? Десятки беспокойных мыслей лезли в голову охотника, заставляя его сердце биться всё сильнее.

Сознание Фенрира, идущего позади, наполнялось не меньшим числом мыслей, но, по сравнению с братом, он воспринял новость совершенно в других красках. Бурлящий дух приключений, никогда не угасающий в молодом охотнике, ещё с большей силой захлестнул его нутро. Фенрир твёрдо решил идти, это решение вовсе не связывалось с Тагаром или с морщинистым слепцом. Манящее желание увидеть что-то новое, ступить туда, куда уже сотни лет не ступала нога ни одного северянина, разгоралось в молодом человеке, словно пожар на сильном ветру.

Подойдя к своим ярангам, Кагат обернулся:

– На закате приди ко мне.

– Мы уйдём? – с тайной надеждой спросил Фенрир.

– Не знаю. Это надо обдумать, – ответил брат и, недовольный, скрылся за шкурами.

Весь оставшийся день Кагат не проронил ни слова. Он принадлежал к числу тех людей, кому перед принятием серьёзного решения нужно всё как следует обдумать в одиночестве, так сказать, взвесить все «за» и «против». Это вовсе не значило, что он не прислушивался к

советам, напротив, он часто ими пользовался и дельными никогда не пренебрегал, но всё это касалось советов тех, кого он считал умнее себя, к сожалению, никто из близких в это число не входил. Под вечер пришёл Фенрир. Он сразу почувствовал всеобщую тревогу, выражающуюся непривычной тишиной. Даже везде снующие собаки притихли – хозяин думал.

Чал – одна большая семья, где невозможно что-то подолгу скрывать. К закату все уже шептались о том, что вожак отсылает братьев на юг по особому поручению. Здесь мнения расходились: одни говорили, что они уходят искать новые селения, а то и страны, для более выгодного сбыта пушнины, другие – что вожак изгоняет их за какую-то непростительную дерзость. Когда в ярангах зажглись первые ночные костры, версий по чалу ходило около пятнадцати, и каждый, рассказывая свою, утверждал, что ему её пересказал чуть ли не сам Тагар.

– Ну что, ты всё обдумал? Каково твоё решение? – войдя, с обыденным видом, будто решался совсем плёвый вопросец, спросил Фенрир.

– Я тут сижу уже половину дня. Мысли, словно снег в метель, всё кружат и кружат, никакой ясности. Многое мне не понятно: князь, этот слепой, письма, мы, вожак – не вижу никакой связи, кромешная темнота. Неужели это происки Тагара?

– Будет тебе! – усаживаясь, успокоил брата Фенрир. – Тагар не из тех, кто втайне затевает подвохи, всё, что он имел бы, он сказал бы в лицо, уж нам-то точно. Знаешь, тут дело не в Тагаре, и даже владыка города ни при чем, всему виной – этот слепой старец. Носом чую – он не прост. Ты слышал, что про него говорят?

– Слышал, – угрюмо ответил Кагат. Этой причины он не желал больше остальных. – Он – правая рука князя, услуживал не одному поколению властвующего клана. Умён, стар, опытен…

– Да он колдун! – не удержался охотник. – Я знаю, ты не веришь, но люди говорят, что он лукав и ведает давно забытыми лихими знаниями. Да ему сотни лет…

– Хватит тебе! Люди – пустобрёхи, они всегда несут чушь и придумывают, тебе ли не знать. Как по мне, вопрос не в том, пойдём ли мы или нет, а в том, чем это может нам грозить?

– Ты не собираешься идти? – с нескрываемым разочарованием спросил Фенрир.

– Не знаю. Я боюсь, что отказ не сойдёт нам с рук. Не зря ведь он прибыл к нам, кланялся, рассказывал, неспроста всё это.

– А что, если пойдём? – будто невзначай, спросил Фенрир и опустил глаза. – Что нам станется? – продолжил он. – Мы ускользнём от тысячи агуратских рож. Взамен получим награду, и чалу будет польза. Как по мне, не самый плохой расклад.

– А вдруг всё окажется не таким простым?

– Он сказал «старик Янумар», «старик!» – что может быть проще? Нас никто не заставляет служить ему до конца наших дней, надарим ему шкур, утолим его жажду приключений и домой. Попомни мои слова, к свадьбам метелей вернёмся.

– Ты склоняешь меня пойти? – спросил Кагат. Фенрир очень хорошо знал это выражение лица брата, когда тот сомневается.

– Почему бы и нет. Давай так: я буду говорить хорошее, а ты, супротив, худое. Как в детстве, помнишь? Я начинаю. Первое – мы получим право выбора стоянки близ города.

– Мм… мы можем умереть.

Повисло молчание, и мужчины громко рассмеялись.

– Да ну тебя! Всё испортил, – Фенрир растянулся перед костром, закинув за голову руки. – Надо положиться на судьбу, всё в жизни не передумаешь.

– Вот как ты! – слова брата задели Кагата. – Хорошо! Давай так: коли я сейчас поманю своих собак и первой забежит Ночь, то идём без лишнего разговора, если же Туман – остаёмся, хоть пусть нам завтра придётся искать новый чал! Согласен?

– Согласен! – вскочил с места молодой охотник и пожал брату руку.

Кагат вытянул губы трубочкой и издал манящий протяжный свист. Послышался приближающийся радостный лай, пола меховой дверной накидки колыхнулась, и в ярангу забежала белобрюхая собака чёрного цвета.

Рукопожатие на севере подобно клятве.

Слухи в чале, будто весенний ветерок, проносятся между всеми, и каждый не прочь умилительно подставить под него своё обветренное лицо.

Когда в ярангах жарко запылали вечерние костры, к Кагату наведался вожак Тагар.

– Просим погреться у нашего огня! Раздели с нами мясо и брагу, – приветствовал его Кагат.

– Здравствуй, Тира! – обратился Тагар к жене хозяина, но та ему не ответила и, бросив укоризненный взгляд, сказала дочерям:

– Идём, дети, нам нужно подбросить дров в костёр дяди Фенрира, а то когда он вернётся, окоченеет от холода. Идём скорее, идём! – Фенрира не было дома, он ушёл по любовным делам.

– Злится на меня? – спросил Тагар, года они с Кагатом остались наедине.

– Считает, что ты, сговорившись с Ледорунгом, посылаешь её мужа на верную гибель.

– Так думает жена или муж?

– Пока только жена, – улыбнулся охотник.

– Если бы над нами нависал лишь князь, то я бы плюнул и растёр, ты меня знаешь. Но этот старик… Я мало кого боюсь, но от него у меня кровь стынет в жилах, порождается страх, коего я не чувствовал, даже будучи ребёнком. Скажи, неужто ты этого не чувствуешь? Я видел его первый раз больше пяти лет назад, когда князь давал ярлык на право охоты в окрестностях города. И знаешь, что он мне сегодня сказал? Говорит, эх Тагар, помнится мне, когда просил ты ярлык, стан твой казался худее, подраздобрел ты, вожак, и на охоту вот уже как третий год не выходишь! Скажи, откуда ему всё это знать?!

– Ну, у тебя ведь тоже есть доносчики в городе.

– Да не в доносчиках тут дело, он колдун! Эта сухая слепая палка – чернокнижник! Я тебе говорю!

– Так значит, – подытожил Кагат, – ты из-за страха перед колдуном отправляешь нас на юг?

– Не плюй мне в лицо, брат. Я ни тебя, ни Фенрира никуда не гоню, ты сам решаешь, идти вам или нет. Не пойдёте – отобьёмся, не впервой!

– Если не пойду я, он уйдёт один. Я знаю…

– Фенрир?

– Мятежная душа.

– Не можешь же ты всю жизнь нянчиться с ним! Он давно уже не мальчик, он охотник, половчее многих. Да что таить, половчее нас обоих.

– Если с ним что-нибудь случится, я не прощу себе, – опустил взгляд Кагат.

– Я тебе ещё раньше говорил: дай ему идти своей дорогой, а ты живи своей. У тебя жена, дети.

– Поздно! Тетива натянута, с рассветом мы уходим. Найдем, кого надо, и объяснимся. Ты правда не знаешь, чья это выдумка?

– Клянусь памятью наших погибших матерей! Будь уверен, это затея слепого старика, но зачем ему это, я не знаю.

– Ты никого не прогневал в Ледорунге?

– Думаешь, хотят ослабить моё положение в чале? Но забрать ярлык и прогнать нас куда проще, чем всё это. Да отмёрзнут мои пальцы, здесь нет умысла князя ледяного города, вся причина в этом колдуне! Ты знаешь, что в городе о нём никто не желает говорить, лишь шепчутся, что смерть такая же костлявая, как он, его вечная спутница.

– Ладно, – выдохнул Кагат, – чего без толку расходовать тепло, пойдём спать. Скоро в путь.

– Вот, – Тагар протянул небольшой свёрток бумаги, очень диковинной вещи для этих мест. – Колдун просил передать владельцу ледяной клятвы, что будет ожидать вас в агуртагуровых землях. Надеюсь, он не попросит немыслимого. Слепой сказал, что здесь нарисованы очень важные слова, не потеряй.

– Передам, – Кагат спрятал бумажку.

– Доброго тебе пути, брат! Я буду просить все северные ветра, чтобы ты возвратился невредимым.

– Пригляди за моими ярангами, хозяйством, за женой и детьми.

– За это не беспокойся: пока моё сердце стучит, твоя семья под защитой. Возвращайся скорее!

– Вернёмся, ведь нам ещё надо будет спросить с них обещанную награду.

Мужчины обнялись. Вожак вышел и, озираясь по сторонам, направился к себе.

В путь тундрийцы вышли ранним утром, когда бурлящий, словно пчелиный улей, чал спал крепким предрассветным сном, а собаки зарылись мокрыми носами в свою густую шерсть. Во всей округе не виднелось ни одной живой души, лишь тонкие струйки дыма от погасших костров медленно курились кверху, растворяясь в утреннем прохладном воздухе.

Шли быстро, стараясь поскорее уйти из виду. Когда же чал скрылся за первым пригорком, а потом и за вторым, сбавили ход.

За первые дни пути братья пересекли Каменное озеро, прошли мимо Одиноких холмов и заночевали у окончания гор Шуршун, к которым пришлось приблизиться, обходя Гай-болота. Мужчины Тундрии всегда отличались необыкновенной выносливостью, многим из них приходилось часами преследовать подстреленного зверя, пробираясь сквозь снега и холод.

Дорога на юг в основном пролегала по хорошо знакомым «заячьим» тропам, по которым с первым снегом потянутся оленьи упряжки, набитые шкурами горностая, песца и белого волка. Сейчас же здесь стояла тишина, изредка попадались охотники-одиночки, с которыми братья предусмотрительно не сближались, обходя за пару сотен шагов. Ночёвки устраивали в оврагах или на деревьях, число которых с каждым днём становилось всё больше, а размеры крупнее. И вот уже на четырнадцатый день южная граница Тундрии исчезла за горизонтом. На смену просторам северных земель пришли зелёные холмы Агурата.

Если в родных землях уже близился конец лета, то в здешних краях оно расцветало в полную силу. Вслед за солнцем менялась и природа. Леса становились дремучее, трава выше, а в небе был слышен стрекот неугомонных птиц. Холодное безмолвие – вечный спутник северного народа – отступило, криволесье сменилось широколесьем.

Чётко следуя на юг, северяне не раз обходили попадавшиеся на пути селения местных жителей и нескончаемые коровьи стада. К счастью, они передвигались настолько шумно, что их приближение слышалось за несколько сотен шагов, что позволяло путникам даже днём оставаться незамеченными.

К концу близился очередной день похода, солнечный диск медленно плыл к закату. Ночлег решили устроить в самой густой чаще небольшого перелеска, раскинувшегося прямо посредине широкого луга. Трава между деревьями повсюду была истоптана копытами, а в воздухе стоял запах коровьего навоза. Зайдя вглубь, где листва росла кучнее, путники устало рухнули на землю.

– Ты как знаешь, брат, но я утром оставлю свои шкуры. Мне в них невыносимо жарко! С меня ушёл весь жир, я окоченею этой зимой! – снимая плотную одежду, возмущался Фенрир.

– Согласен! И как они только здесь живут? Такая жара! – согласился Кагат, стаскивая с себя пропотевшее одеяние. – Завтра двинемся налегке, а лишнее закопаем, заберём на обратном пути, главное не забыть место.

– Конечно, заберём. У меня славная волчья накидка! На неё ушло два матёрых волчары, а один из них, вожак стаи, чуть не загрыз меня, бешеный, – хвастался Фенрир.

Сняв с себя сапоги и вытянув босые ноги, братья улеглись под раскидистым деревом. Ветер усиливался, шумя зелёной листвой, гнал с дальней стороны тёмную грозовую тучу.

– Ты расставишь манки? – спросил Кагат у младшего брата. – Нельзя, чтобы нас застали врасплох.

– Врасплох? – удивился Фенрир. – От этих коровников так воняет, что я учую их от Мёртвой впадины. Теперь я понимаю, почему мы сторонимся южан.

– И почему же?

– Да из-за смрада! – не унимался Фенрир. – Их селенья воняют, как выгребные ямы.

Кагат сдержанно засмеялся:

– Брат, это всё из-за коров. Ты видел эти бесчисленные стада?

– Да уж, эти рогатые твари, – согласился охотник. – Они так орут или, как там, мычат, как олень на случке. Глупые животные. Но такие громадные, ты помнишь вчерашнее стадо? Таких здоровых существ я ни разу не встречал, они больше медведя, да что там медведя – одно из животных размерами походило на мою ярангу!

– А сколько мяса! – восхитился старший брат.

– Всему чалу можно кормиться ползимы!

– Растяни манки, – напомнил Кагат своё поручение разгорячившемуся брату, – ты ведь в этом лучший во всей Тундрии.

Ответив улыбкой на лесть, Фенрир пошёл растягивать по кругу крепкие нити, концы которых привязывались к пальцам ног. Кагат был прав: правильно и скрытно расставить манки – это целое искусство, которым его младший брат владел превосходно.

Фенрир медленно шёл между деревьями, в вечернем небе все корчи и кусты виделись ему свирепыми дикими тварями. Сумерки осторожно спускались на землю. Охотник слышал десятки окружающих его звуков: грузные махи пролетавшего филина, свист какой-то птицы, шелест листьев на ветвях – всё это поражало и пленило молодого человека. Это чужой, незнакомый край, но он не сулил зла доброму путнику. Фенрир замер – упала первая капля, заколотил проливной дождь.

Темнота окутала лесок, когда промокший Фенрир вернулся, держа в руках концы множества ниток. Дождь уже закончился, и мокрые охотники, накинув шкуры, которые час назад решили надёжно спрятать, уселись подле друг друга. Несмотря на копившуюся не один день усталость, сон не шёл. Мокрая природа пробуждалась после грозы.

– Нам нужно решить, куда мы пойдём дальше, – вздохнул Кагат. – Надо признать, что мы не знаем эти земли, словно два слепых волчонка, идём невесть куда.

– А как по мне, всё не так уж плохо, – ответил Фенрир. – Живности здесь хоть отбавляй, охотиться легко, зайцы толстые. Будем идти на юг, а там, глядишь, ветер выведет нас к этим Барсучьим ключам.

– Бартурским, – засмеялся Кагат. – Ты, как всегда, беспечен. Мы не можем странствовать вечность. Я предлагаю завтра выйти к людям и спросить дорогу, быть может, мы их прошли.

– Можно попробовать, но ты ведь знаешь нравы южан, нам надо быть осторожными.

– Твоя правда. Но больше идти, как в темноте, мы не можем, надо спросить дорогу. Решено: завтра выйдем к людям, по возможности, к пастухам, слава судьбе их здесь хоть отбавляй, – решил Кагат. – Фенрир, ты спишь?

Брат не отвечал, он мирно посапывал, прислонившись к стволу дерева.

– Славной ночной охоты, брат, – сказал Кагат, закрывая глаза.

Утро встретило путников красивым пением разноцветных птах. Доев последнюю вяленую оленину и закопав рядом с деревом туго завёрнутые шкуры, северяне двинусь дальше. Припекавшее с раннего утра солнце сулило очередной жаркий день. Хорошо выспавшись,

охотники двигались заметно быстрее. Они пересекли луг и вышли на вытоптанную полевую дорогу. Вдалеке разносилось мычание коров.

– Будем идти по колее, пока не встретим местных, – предложил Кагат. Фенрир одобрительно кивнул, и братья припустили трусцой.

Время близилось к полудню, а на пути северян, как назло, не попадалось ни одной живой души. Остановившись перевести дух и допить последнюю воду, путники предусмотрительно сошли с дороги.

– Даже коров нет!.. – с издёвкой отметил Фенрир.

– Тише! – приложив палец к губам, перебил его Кагат. – Кто-то идёт!.. Трое?

– Четверо. Нет, пятеро.

Они стояли, прислушиваясь к голосам приближавшейся к ним группы людей.

– Пойдём навстречу или спрячемся и пропустим? – Фенрир вопросительно посмотрел на брата, на правах старшего, окончательное решение оставалось за ним.

– Что ж, давай попробуем подружиться с этими любителями рогов и копыт.

Если охотники ещё издали обнаружили приближение людей, то идущие им навстречу солдаты пограничного патруля, что-то бурно обсуждавшие, увидели северян, лишь когда до них оставалось чуть более двадцати шагов. Здесь, конечно, помогли кусты: дорога в этом месте стала извиваться, словно змея, огибая заросли клёна.

Один из солдат, по-видимому, главный, ехавший верхом на здоровенном, в два человеческих роста, быке, первым заметил путников и громко скомандовал:

– Стоооой! – остальные, недоумевая, уставились на своего командира. – Вон! – выпрямил тот палец в сторону вооружённых людей.

– Здравствуйте, храбрые воины Агурата! – с поклоном поприветствовал Кагат. Повисла неловкая минута молчания. Охотники ожидали ответного приветствия, но солдаты, увидевшие перед собой крепких странников-северян, чей облик дышал силой и мощью, совершенно растерялись.

– Кто вы такие? – сам того не ожидая, спросил сидящий на быке солдат, спешно подбирая поводья, привязанные к кольцу, вставленному в бычий нос.

– Мы – мирные путники с северных земель, следуем к Бартурским ключам. Но мы сбились с пути и просим вас указать нам дорогу, – ответил Кагат.

Патрульные подозрительно переглядывались, посматривая в сторону всадника. Животное, почуяв чужой запах, стало нервно рыть копытом утоптанную землю, мотая в разные стороны рогатой мордой.

– А зачем вы идёте туда? – недоверчиво спросил высокий по-детски писклявым голосом.

– Мы ищем одного человека, торгаша, он выменял у нас с братом, – Кагат кивнул на рядом стоящего Фенрира, – дюжину песцовых шкур взамен мешков с зерном. Только позже выяснилось, что в зерне поселились жуки, попав в наши закрома, эти твари перепортили все наши запасы на зиму.

Воины заулыбались: новость о том, что их земляк обманул северных волков, явно пришлась им по вкусу.

– Нам это не кажется смешным, – повысив голос, подыграл брату Фенрир.

Опомнившись, солдаты притихли.

– Так вы хотите призвать торгаша к ответу? Вы ведь из Тундрии? Да? – спросил главный.

«Какой догадливый», – с насмешкой подумал Кагат, а вслух добавил: – Ты прав, мы сыны Тундрии, пришли в ваши края, дабы сыскать справедливости по праведным для всех агуратским законам.

– Это вам надо в Бартурий, только глава города сможет привлечь жулика к ответу, – неожиданно в разговор вмешался крайний солдат, самый низенький из всех. При этом сидящий на быке посмотрел на него так презрительно, словно на лютого врага.

– А не намерены ли вы тайком свести с ним счёты? – подозрительно прищурив левый глаз, спросил наездник. – Не знаю, как у вас, дикарей, а у нас, в цивилизованном мире, подобное запрещено. Закон – всему порядок! Кто не соблюдает закон, тому смерть.

– Достопочтенные смелые воины, мы с братом направляемся в Бартурий, дабы отыскать справедливости и доброй воли, коей всегда славились ваши вожаки, – чуть ли не торжественным голосом произнес Кагат.

– А оружие вам тогда зачем? Чужестранцы не имеют права носить оружие в наших землях! – протявкал высокий солдат с мерзким голосом. На что сидящий на быке одобрительно кивнул.

– А это чтобы защищаться от глупых, тупомордых…

– Зверей! – перебил Фенрира Кагат, видя, что тот начинает заводиться. Северянин произносил слова так гневно и громко, что некоторые солдаты даже схватились за рукояти своих мечей. Но в эту минуту внимание тундрийцев занимали вовсе не хиленькие пограничные солдатики, хотя один из них был высок и довольно крепок. Внимание их, словно манком, привлекло огромное, внушающее тревогу и страх существо. Бык, будто ощущая на себе чужие взгляды, а может и чуя звериный интерес северян, не мог устоять на месте: он то и дело мотал головой, порываясь рогами задеть любой попавшийся на пути предмет.

– Тише, тише, Бульвест! – попытался успокоить его командир отряда. Но ничего не выходило, бык еще свирепее рыл землю под собой огромным копытом. Испугавшиеся солдаты расступились в стороны, а главарь-наездник так сильно натянул поводья кольца, что казалось, глаза Бульвеста лопнут от боли. Животное стало смирнее и покорно опустило голову.

– Вам придется пойти с нами! – довольный своими действиями, с важным видом заявил наездник. На его слова первыми переглянулись северяне, а потом, в недоумении, зашептались и солдаты: «Зачем это он?»

– Я, как и твои люди, не могу понять, зачем нам следовать с вами? Быть может, вы хотите нас провести, уверяю вас, не стоит. Нам нужно лишь указать направление, а там мы разберемся сами.

– Стойте! – приказал солдат. – Это для вашего же блага. Сейчас проведём вас к нам, а там отправим письмо вельможам Бартурия и дождемся ответа, смогут ли они вас принять. К тому же владыка Гектур должен взглянуть на тех, кто шастает по его землям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.